

СТРАНИЦЫ *советской и российской* ИСТОРИИ

Константин ПИСАРЕНКО

Сергей
КИРОВ

Несбывшаяся надежда
ВОЖДЯ

Страницы советской и российской истории

Константин Писаренко

**Сергей Киров. Несбывшаяся
надежда вождя**

«Историческая книга »

2023

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

Писаренко К. А.

Сергей Киров. Несбывшаяся надежда вождя / К. А. Писаренко —
«Историческая книга », 2023 — (Страницы советской и
российской истории)

ISBN 978-5-4484-4091-5

Сергей Миронович Киров - несомненно, один из самых популярных партийных вождей. В свое время его посмертный культ в большевистском пантеоне уступал по масштабам разве что ленинскому. А советская конспирология сделала его первой жертвой коварного сталинского плана по уничтожению «ленинской гвардии». Подобная мифология на протяжении многих десятилетий препятствовала беспристрастному изучению этой весьма и весьма необычной фигуры. После первых революционных опытов Сергей Костриков-Киров явно утратил тягу к радикальным средствам исправления общества. Весь его дальнейший путь - это искусная партийная дипломатия и разрешение самых острых конфликтов, разгоравшихся в столицах, на Кавказе, на Каспии. Он проявил себя превосходным мастером улаживать равно межнациональные столкновения и фракционные разногласия. И, как видно из предлагаемого исследования, именно поэтому понадобился Сталину, который планировал произвести крайне важную для будущего СССР политическую реформу, причем без кровавых эксцессов. Выстрел отчаявшегося партийного маргинала разрушил не только возникший правящий дуумвират Сталина-Кирова, но и ликвидировал возможность мирного преобразования властной вертикали. После этого трагедия Большого террора оказалась практически неизбежной... В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-94
ББК 66.3(2Рос)8

ISBN 978-5-4484-4091-5

© Писаренко К. А., 2023

© Историческая книга , 2023

Содержание

Пролог	7
Биографическая хроника	17
Часть первая	18
1. Костриков, он же Киров	18
2. Между домом и приютом	21
3. Казанские контрасты	25
4. Не студент, но революционер	33
5. Даешь всеобщую стачку в Сибири!	38
6. За стачку и восстание	42
7. Горький урок, пошедший впрок	47
8. Что дальше?	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

**Константин Писаренко
Сергей Киров
Несбывшаяся надежда вождя**

© Писаренко К.А., 2023

© Фонд поддержки социальных исследований, 2023

© ООО «Издательство «Вече», 2023

Так выглядели центральные газеты 2 декабря 1934 г.

Менее чем через пару месяцев, в январе 1935 года, скончался Валериан Куйбышев, фигура вроде бы равнозначная Кирову. Однако эта утрата не вызвала той же великой скорби ни у генсека, ни в стране. День смерти Куйбышева не считался «черным днем» довоенного советского календаря. А 1 декабря считалось.

Ежегодно в этот день целые полосы центральных и местных газет отводились под материалы о Кирове. В городах, связанных с ним, открывались музеи, а по всей стране – выставки. На площадях устанавливались памятники, в скверах и помещениях – бюсты. В киосках продавались открытки, посвященные Кирову. В клубах читались доклады и лекции о нём, на заводах и фабриках устраивались «читки» его статей и речей. И, конечно, проводились митинги, где дружно проклинали «врагов народа», погубивших лучшего сына партии.

В «горниле» этих мероприятий в общественном сознании страны и сформировалась первая версия, официальная, гибели вождя ленинградских коммунистов: «Киров руководил разгромом троцкистско-зиновьевской банды в Ленинграде, оставив оппозиционных генералов без армии... Поэтому он был ненавистен врагам народа – зиновьевским бандитам. Поэтому первый удар подлых наймитов гестапо был направлен на Сергея Мироновича Кирова». Так написал в кратком биографическом очерке, изданном в 1936 году, Б.П. Позерн, близкий соратник Кирова, который хорошо Кирова знал, на глазах которого Киров умер... Как ему не поверить?!

Поверили, но не все. Недаром именно тогда появилась хлесткая частушка «о коридорчике», где Кирова убил не Зиновьев, Троцкий или Бухарин, а... Сталин. Возникла она на фоне Большого террора, набравшего силу в 1937 и 1938 годах. Однако стартовал процесс именно после выстрела в Смольном, ставшего своеобразным Рубиконом, сломом эпох. Современники почти сразу почувствовали это. «Первым последствием, несомненно, будут аресты, а вторым – переворот в политике», – очень точно угадал в те декабрьские дни один из руководителей «Гипроазота», научного института из ведомства наркомтяжпрома Орджоникидзе. И добавил: «Реорганизация ОГПУ в НКВД означала смягчение борьбы, которое... вызвано смягчением борьбы контрреволюции. Но убийство Кирова доказывает, что борьба продолжается», и нет гарантии, «что не будет поворота к массовым арестам и террору».

А вот мнение академика Ивана Павлова, 12 декабря 1934 года: «Газеты раздули убийство Кирова в политическое событие... Вероятно, ревность или личные взаимоотношения вызвали эту смерть, и я не понимаю, к чему эти горы трупов... 17 лет мы живем под террором ГПУ. Последние месяцы, казалось, это исчезло, перешли к культурным формам работы, но теперь вновь жестокость и террор»¹.

Примечательно, и чиновник, и ученый расходятся в оценках причин трагедии, но сожалеют оба об одном – о завершении короткого периода (в несколько месяцев) «смягчения» репрессивной внутренней политики в СССР. Отсюда – ощущение и у них, и у многих других, что 1 декабря 1934 года случилось что-то непоправимое. И пока для всех важно не то, кто убил, а осознание утраченного с гибелью Кирова шанса жить «культурно», без постоянного страха, по-человечески...

Вопрос «кто виноват» станет актуальным позднее, когда в жерновах террора погибнут и оппозиционеры всех фракций и уклонов, и стойкая «ленинская гвардия», и «масса» обычных граждан, как интересующихся большой политикой, так и равнодушных к ней. Когда предчувствие, что смерть Кирова открыла перед советским обществом врата ада, подтвердилось.

За истекший почти век главных версий сложилось всего три:

1. Оппозиция.
2. Одиночка.
3. Сталин.

Каждая, соответственно, разбивается на свои более частные интерпретации, по-разному объясняющие подоплеку роковой смены эпох. Версия оппозиционная – лишь на первый взгляд ходячая до абсурдности. «Кто стрелял в Кирова?.. подлый фашистский бандит Николаев», член «подпольной троцкистско-зиновьевской фашистской террористической организации», стремившейся «убить вождей советского народа, уничтожить завоевания рабочих и крестьян, восстановить капиталистическое рабство в нашей стране».

В основе официальной трактовки – знакомство убийцы Кирова, Л.В. Николаева, с рядом активных участников зиновьевской оппозиции. Но для Ленинграда 1934 года общение с бывшими оппозиционерами не исключение, а норма. Тот же Киров выдвигал на важные посты немало тех, кто поначалу на собраниях голосовал против него... А иные весомые аргументы в пользу оппозиционного следа отсутствовали.

¹ Вестник Верховного Суда СССР. 1991. № 5. С. 1, 5.

Хотя зацепки имелись. Например, адрес и телефон германского консульства в записной книжке Николаева. В 1934 году! После того как немцы организовали успешные покушения в Вене на австрийского канцлера Энгельберта Дольфуса (25 июля), а в Марселе – на югославского короля Александра I Карагеоргия и главу МИД Франции Луи Барту (9 октября). Если кому-то нужен свой «поджог Рейхстага», то фигура Николаева – самая удобная, чтобы надолго и накрепко связать в памяти народной Зиновьева и Каменева с Гитлером. Тем более что консул Рихард Зоммер «сбежал» из Ленинграда в Финляндию уже утром 2 декабря... Но власть не воспользовалась моментом. Возможно, её целью в ту пору были все-таки не поголовные репрессии оппозиционеров, как в Германии, а что-то иное?..

«Завершением успехов Кирова был ноябрьский 1934 г. пленум ЦК... Киров был главным докладчиком и героем дня. Вновь был поднят вопрос о его переселении в Москву и решен в положительном смысле. Было постановлено, что... это должно состояться... еще до нового года. Под его непосредственное руководство были поставлены все отделы Секретариата, которые были связаны с идеологией...

Уже первые телефонограммы, принесшие в Москву известие об убийстве, не оставляли сомнения в том, что убийство носило политический характер... Если относительно Сталина можно думать, что он одно время относился сочувственно к... политике замирения внутри партии, то его ближайшее окружение, его рабочий штаб был целиком против нее... Во главе... сопротивления стояли Каганович и Ежов... Этот дуумвират... с самого начала высказывался против политики замирения внутри партии. Пока был жив Киров, их выступления не отличались большой решительностью. Они довольствовались тем, что настраивали против неё Сталина... да всеми силами саботировали переселение Кирова в Москву... И вот теперь, после смерти Кирова, которая была выгодна только этому дуумвирату, они выступили открыто...»

Эту сенсационную версию обнародовал меньшевистский «Социалистический вестник» в двух номерах от 22 декабря 1936 года и 17 января 1937-го: Кирова убила не «старая» оппозиция, а «новая», из числа сталинистов-консерваторов. Именно они и внушили вождю, что подлинными заговорщиками – троцкисты, зиновьевцы и каменевцы. Автор материала, «старый большевик», прямо не обвинил дуэт в убийстве, но намекнул весьма прозрачно: «...в декабрьские... дни 1934 года у нас как-то внезапно вырос интерес к делу об убийстве Столыпина, с которым в деле об убийстве Кирова имеется очень много общих черточек». Между тем Столыпин убил «одиночка», связанный с охранкой, не по приказу царя, а по внушению консервативной части царского окружения. Гибель Кирова оказалась финалом аналогичной «борьбы за влияние» на царя советского – Сталина.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 23-24 (379-80)

16-й г. издания

Подписка: ежеквартально в год 80 фр., на 1/2 г. — 40 фр., на 1/4 г. — 20 фр. — ост. номер — 3 фр., двойной номер — 5 фр.; для остальных стран: на год — 100 франков, на 1/2 г. — 50 фр., на 1/4 г. — 25 фр. На перем. адр. — 1 фр. Контора в ред. 1141, r. Broca, (Square Albin Cochot, bdt. 11), Paris (13e) Tél. Port-Royal 06-25 Cheques Postaux - Le Courrier Socialiste — 35984 Paris Прием по делам редакции ежедн., кроме суб., в послер. от 11 — 1 ч.

22 Декабря 1936 г.

Просим наших корреспондентов при написании адреса обязательно указывать: «Bâtiment 11»

СОДЕРЖАНИЕ

Передовая: После с'езда.

Ф. Дан. Защита мира.

А. Югов. Промышленность СССР в 1936 г.

С. Шпери. Новосибирский процесс.

А. Шифрин. Испания и Европа.

И. Греков. Камо грядеши?

В Рабочем Интернационале: Совместное заседание РСИ и

МФИС. — Об испанской революции.

За границей: Уроки победы Рузвельта. — Сталинизм в Испании.

Фельетон: В. Александрова.

У. З. Как готовился московский процесс? (Из письма старого большевика).

По России: Москва. — Конституция и расстрелы. — Как обяснить? — Излужия Сталина. — Рост оппозиционных настроений. — Политизация общественной жизни. — Шлязы проткрыли. — Расправа от испуга и для испуга. — В советской провинции: а) На металлургическом заводе; б) Отклики на испанские события.

Издания, поступившие в редакцию. — Почтовый ящик.

«Возвращение из СССР».

ПОСЛЕ СЪЕЗДА

8-й Чрезвычайный С'езд Советов СССР закончен. Новая конституция принята единогласно. День 5-го декабря объявлен всесоюзным праздником, отмечен «всенародным ликованием», завешан на века и тысячелетия в память грядущим поколениям всего мира, как дата величайшего в истории человечества события. В жизни земного шара открывается новая эра...

В таком тоне слышит советская печать работу с'езда, давшего Советскому Союзу новую, небывалую по своему совершенству конституцию, которая запечатлевает победу социализма и должна отныне служить примером и образцом для подражания всем странам и всем народам.

Между тем на самом деле никакого с'езда не было. Был огромный митинг, участники которого были в ладоши до мозолей на руках, до хрипоты кричали ура и пели Интернационал, десятки раз вставали с мест и прелазали. «бурным овацией», сотни раз поднимали руки, вооруженные мандатами, по требованию председателя. Были ораторы — до шести десятков, говорившие о международном положении, о внешней политике Советского Союза, о его военной мощи, о «наших достижениях» хозяйственного и культурного порядка, о подвигах стахановцев и их веселой и зажиточной жизни и неизменно заканчивавшие свои речи, как один, проклятиями по адресу «трошкистско-зиновьевской сволочи» и акафистами по адресу великого, мудрого, обожаемого, гениального друга трудящихся и вождя народов. Ру-

коплексали, кричали, пели, говорили обо всем на свете — кроме той единственной темы, которая стояла в порядке дня с'езда: об обсуждении и проекте конституции не было и речи. Не было произнесено ни одного слова критики, не было сделано ни одного предложения, не было внесено ни одной поправки, не было высказано ни одного серьезного суждения о тех новых условиях, в которых отныне должна протекать советская жизнь и которые, если верить разглагольствованнаям советской печати о всемирно-историческом значении даты 5 декабря, должны так радикально отличать порядки завтрашнего дня от порядков сегодняшнего и вчерашнего. Сплошное ура!

Было впрочем исключение — одно единственное, еще больше подчеркнувшее, что никакого с'езда, в сущности, не было. Один оратор говорил действительно «на тему». Но этим оратором был сам Сталин. Все другие, даже самые сановные, если и упоминали мимоходом о конституции, то лишь затем, чтобы дословно цитировать гениальные сталинские изречения. Сталин прочел вступительный доклад. Сталин заранее указал приемлемые поправки. Сталин возглавлял редакционную комиссию, состоявшую из 220 сановников и знатных людей и заседавшую почему то при закрытых дверях. Сталин прочел заключительный доклад, в котором сообщил о внесении в первоначальный проект 43 поправок, из которых 36 «носят чисто редакционный характер» и потому «не нуждаются в спе-

Обложка журнала «Социалистический вестник». [Из открытых источников]

В отличие от прямого навешивания ярлыков на зиновьевскую оппозицию, данное объяснение политического кризиса в СССР выглядело более правдоподобным. Оно вызывало доверие, особенно после разгадки личности «старого большевика» — Н.И. Бухарина. В апреле 1936-го он в Париже общался с Б.И. Николаевским, который по мотивам бесед с «любимцем партии» и написал для «Социалистического вестника» очерк о нравах в кремлевском закулисье.

А материал автор подал так, чтобы знающие люди сразу вычислили, кто послужил источником информации.

Однако на встречах двух старых знакомых присутствовала жена Бухарина А.М. Ларина, и она в воспоминаниях опровергла, что муж говорил гостю что-либо настолько конфиденциальное. Более того, Анна Михайловна не исключала, что Николаевский умышленно подставил Бухарина накануне февральского 1937 года пленума ЦК, одобрявшего арест Николая Ивановича. Причем не по собственной инициативе, а по наводке НКВД. Из Москвы же поступил и нужный материал.

И как все совпало! Командировку Бухарину в Европу под предлогом покупки архива Маркса организовала то же Москва. Впрочем, приобрести архив не получилось, а Бухарина срочно отозвали на родину вскоре после того, как он переговорил с Николаевским без свидетелей – кого-либо из членов делегации или сотрудников советского посольства... Неужели за сенсацией в эмигрантской печати – что Кирова убила одна из фракций сталинистов – стоял сам Сталин?

Интересно, что спустя более полувека концепцию переосмыслил Ю.В. Емельянов: «Организаторы убийства Кирова стремились дестабилизировать политическую обстановку в стране и вывести из равновесия Сталина...», побудив на «импульсивные шаги», на основе которых разворачивались массовые политические репрессии. Они думали повторить прецедент покушения на Ленина в 1918 году, после чего «необыкновенно усилилась власть ВЧК». Теперь тот же эффект ожидался по отношению к новому карательному органу – НКВД.

Так, по мнению историка, проявила себя новая сталинская оппозиция, возглавляемая не Кагановичем с Ежовым (не годились они на роль кукловодов), а секретарем ЦИК СССР А.С. Енукидзе и примкнувшим к нему наркомом Г.Г. Ягодой. Заговор метил в Молотова, считавшегося «главным проводником неумеренно жесткой линии и защитником «перегибщиков». А Кировым пожертвовали, чтобы НКВД приобрело полномочия, необходимые для навязывания Сталину иной линии, отличной от молотовской... Заговор этот провалился. Енукидзе пал весной 1935 года, Ягода – осенью 1936-го. Молотов устоял, но отныне с оппонентами, реальными или потенциальными, не церемонились...²

Любопытно, что обе трактовки о «борьбе за влияние на Сталина» подразумевают, что советским вождем, как флюгером, легко манипулировать. Если первый советник при Сталине – «миротворец» Киров, то Сталин – за ослабление террора; если амбициозные аппаратчики Каганович, Ежов или Енукидзе – то, наоборот, за усиление. Своей четкой позиции по данному, краеугольному вопросу лидер страны не имеет? А с другой стороны: очень удобная для Сталина маска, снимающая часть ответственности за Большой террор...

У версии «одиночка» всего два посыла: Николаев либо обиженный на ЦК член партии, либо обманутый муж. На первый всегда поглядывали косо, несмотря на то что сбежавший из СССР комиссар госбезопасности Г.С. Люшков, участвовавший в расследовании убийства Кирова, признал в интервью японской газете «Ёмиури симбун» в июле 1938 года, что Николаев – «ненормальный человек, страдавший манией величия. Он решил погибнуть, чтобы стать историческим героем. Это явствует из его дневника».

Кроме того, все особые комиссии под председательством В.М. Молотова (1957), Н.М. Шверника (1961), А.Я. Пельше (1967), сформированные Хрущевым, и специальная проверка прокуратурой и КГБ СССР в 1988–1990 годах в конце концов констатировали одно и то же: «Террористический акт... подготовлен и осуществлен одним Николаевым».

Тем не менее «амурная» история со дня сообщения академика Павлова не теряла актуальности. Её подтвердил, правда, полвека спустя П.А. Судоплатов, который «от своей жены, которая в 1933–1935 годах работала в НКВД в секретном политическом отделе, занимавшемся

² Емельянов Ю.В. Сталин. На вершине власти. М., 2018. С. 77–79, 86–88.

вопросами идеологии и культуры... узнал, что Сергей Миронович очень любил женщин, и у него было много любовниц как в Большом театре, так и в Ленинградском...

Мильда Драуле прислуживала на некоторых кировских вечеринках. Эта молодая привлекательная женщина... была одной из его «подружек»... Мильда собиралась подать на развод, и ревнивый супруг убил «соперника»... Материалы, показывающие особые отношения между Мильдой Драуле и Кировым... содержались в оперативных донесениях осведомителей НКВД из ленинградского балета...»³.

Впрочем, материалы, упомянутые Судоплатовым, похоже, в архивах ФСБ отсутствуют, раз до сих пор не опубликованы даже в отрывках. Звездный час данная трактовка пережила на рубеже веков, когда историки обратили внимание на документ, в котором зафиксировано время первого допроса М.П. Драуле 1 декабря: 16–45. Жена Николаева находилась в Смольном в момент гибели Кирова! Тут же хранившиеся в кировском музее кепку и брюки отправили на экспертизу. А та показала: на брюках есть «пятно», а в кепке – отверстие, да такое, какое не могло образоваться, если Киров шел в ней по коридору...

Если бы не заявление бывшего замначальника ленинградского угрозыска П.П. Громова от 17 марта 1956 года, версия «обманутого мужа» вполне могла стать основной. Но Громов сообщил, что «вечером 1 декабря 1934 года... вместе с Красношеевым я направился на квартиру Николаева, где застал его жену...». Направился с Красношеевым И.И (начальником ЛУР) после вызова в Смольный, доставки Николаева в управление НКВД и визита на квартиру матери убийцы... Этот «рапорт» сразу прояснил породившую недоумение странность в протоколе допроса Драуле: тот закончился в 19–10, а текста в нём – всего на лист. Неужели с ней «беседовали» так долго, два с половиной часа? Нет, не долго, менее получаса, ибо перед нами заурядная оплошность того, кто сидел за печатной машинкой. Он просто спутал клавиши, нажав вместо восьмерки на шестерку (18–45 = 6 часам 45 минутам вечера).

Так что всякое изучение кировской одежды мгновенно утрачивает смысл. Киров приехал так неожиданно в Смольный вовсе не ради встречи с Мильдой Драуле. А с кем? С начальником УНКВД СССР по Ленинградской области Ф.Д. Медведем. Процитируем ещё один документ: «1-го декабря... в кабинете тов. Медведя... около 4 ч. 30 м. позвонил телефон. Тов. Медведь, положив трубку, распорядился вызвать машину, т. к. его вызывал тов. Киров. Через 3–5 секунд раздался вторично телефонный звонок. Тов. Медведь, с первых же слов бросив трубку, крикнул: «в Кирова стреляли» – и тут же сорвался с места...»⁴

Очевидец – А.Л. Молочников, начальник экономического отдела УГБ НКВД по Ленинградской области. Благодаря ему становится ясно, что по дороге из дома во дворец Урицкого (Таврический) Киров захотел обговорить какой-то важный вопрос с главным чекистом области. Время позволяло, и он свернул в Смольный, в вестибюле дворца велел кому-то срочно позвонить Медведю, а сам отправился к себе в кабинет. Отсюда такой совсем короткий промежуток между двумя звонками...

Версия третья – «во всем виноват Сталин» – не сразу сложилась в каноническую. На стадии возникновения Сталин Кирова не убивал, а воспользовался убийством для расправы с оппозицией. Её активно пропагандировал Л.Д. Троцкий, окрестивший трагедию «азартной игрой за счет головы Кирова». Пролистаем «Бюллетень оппозиции». Октябрь 1936 года: «Сталин несет... не только политическую, но и прямую ответственность за убийство Кирова. Разумеется, Сталин и ГПУ не хотели этого убийства, – они рассчитывали арестовать террористов в последний момент, но подготавливая амальгаму (консул-Троцкий), они «играли головой Кирова». Эта игра была разрушена преждевременным выстрелом Николаева».

³ Судоплатов П.А. Спецоперации. Лубянка и Кремль. 1930–1953. М., 2003. С. 84, 88.

⁴ Эхо выстрела в Смольном. М., 2017. С. 51, 500, 501.

Примечательный парадокс! На исходе 1936 год. Со дня покушения в Смольном миновало два года, а откровенные антагонисты Сталина, меньшевики и Троцкий, находящиеся в относительной безопасности за границей, избегают открыто бросить обвинение вождю: ты убил Кирова! Нет, даже у них виноват кто угодно (несогласные с Кировым соратники или чекисты, проспавшие «преждевременный выстрел»), но не Сталин. Сталин, вернее, «сталинская бюрократия» «под видом борьбы с «террористами»... задушила последние проявления критической мысли в СССР... сведя свободу к праву проявлять стопроцентную верноподданность». А приказ убивать Сталин не отдавал... Откуда такая деликатность у Троцкого и особенно у меньшевиков? Не страх же их сковал перед вездесущими «щупальцами» НКВД? А тогда что?..

Вот уж кто точно не стеснялся в выражениях, так это узники сталинских лагерей из числа репрессированной «ленинской гвардии». Пусть в узком кругу и в укромном месте, они в году 1937-м или 1938-м не опасались произнести:

– Зиновьеву Киров был не нужен. С самого верха это идет. По указанию Хозяина...⁵

Правда, другой вопрос: зачем вождю столько жертв и искалеченных судеб, у них не имел удовлетворительного ответа, кроме одного, скоропалительного и поверхностного. Сталин – параноик и маньяк! Следовательно, преданного ему Кирова сгубила гипертрофированная мнительность вождя?

Серьезные сомнения в том заронил американский журнал «Лайф», опубликовав в номере от 6 апреля 1953 года первую часть воспоминаний сбежавшего в 1938 году из СССР майора госбезопасности А.М. Орлова. «Страшные секреты сталинской власти» касались как раз гибели Кирова.

«Экс-генерал тайной полиции» поведал, что «весной и летом 1934 года все конфликты между Кировым и другими членами Политбюро происходили из-за противоречивых директив, затрагивавших промышленное строительство в Ленинградской области... Со временем отношения Кирова и членов Политбюро стали очень напряженными, и его поездки в Москву сократились... Раздраженный чрезмерной независимостью, которую Киров не скрывал, Сталин решил отозвать Кирова из Ленинграда. Но Киров был не склонен переезжать.

Для выхода из трудной ситуации Сталин задумал дьявольский план. Он решил организовать убийство Кирова и повесить это преступление на «дверь» Зиновьева и Каменева...»

Очевидно, что «воспоминания» Орлова писались под влиянием «письма старого большевика» из «Социалистического вестника». «Генерал» лишь акценты расставил по-новому: Киров не «идеолог» нового курса, а неуживчивый удельный ленинградский князек, а потому убил Кирова не «дуумвират» (Каганович – Ежов), а сам вождь за... фронду и склоки, мешавшие дружной работе Политбюро. Так родилось более солидное обоснование и гибели Кирова, и массовой расправы с однопартийцами. Скатившийся до оппозиционности Киров, прежде преданный вождю, вконец разочаровал Сталина во всем и во всех, после чего и пробил час возмездия... для всех...

«Подсказку» Орлова в СССР заметили и развили. В знаменитом докладе на XX съезде КПСС Н.С. Хрущев, во-первых, осторожно засвидетельствовал обоснованность «троцкистской» версии кировской смерти: «После злодейского убийства товарища Кирова начались массовые репрессии и грубые нарушения социалистической законности».

Во-вторых, новый лидер партии намекнул, что в Смольном погиб не просто региональный лидер и фрондер, а... соперник Сталина: убийце «кто-то помогал из людей, обязанных охранять Кирова... после убийства... руководящие работники Ленинградского НКВД... подвергнуты очень мягким наказаниям, но в 1937 году... расстреляны. Можно думать... чтобы замести следы организаторов убийства Кирова». Хрущевский намек на местах поняли, и

⁵ Ларина-Бухарина А.М. Незабываемое. М., 2002. С. 26. Реплика Л.К. Шапошниковой, жены М.С. Чудова, второго секретаря Ленинградского обкома.

вскоре на партсобраниях открыто зазвучал мотив старой частушки: «Сталин Кирова убил»; «Киров, как восходящая звезда убит по прямому заданию Сталина»; «Выстрел 1 декабря... избавил Сталина от явного конкурента»⁶.

Впрочем, доказательств варианту «Киров vs Сталина» явно не хватало. Судя по всему, сведения А.М. Орлова о стычках Кирова с кем-либо в Политбюро не нашли подтверждения ни в партийных архивах, ни в памяти Молотова, Кагановича, Микояна и Ворошилова – членов Политбюро в 1934 году. Иначе бы не пришлось делать ставку на два довольно слабых аргумента.

Первый: в феврале 1934 года на XVII съезде ВКП(б), на «съезде победителей», при избрании в ЦК Сталин набрал якобы около трехсот голосов против (всего делегатов – 1225), а не три, как значится в протоколе. Документов, уличающих подлог, не сохранилось. Вывод основывался исключительно на воспоминаниях участников съезда, выживших после Большого террора.

Второй: по воспоминаниям тех же участников съезда, на нём группа делегатов кулуарно предложила Кирову баллотироваться генеральным секретарем вместо Сталина. Но тот отверг инициативу, более того, предупредил о ней генсека. Согласитесь, доводы очень шаткие. А потому версия «Сталин убил Кирова-соперника» так и не стала официальной.

Пока правил Хрущев, было принято считать, что «Сталин убил Кирова, чтобы развязать Большой террор». Ведь, как Никита Сергеевич заверил партию на XXII съезде в 1961 году, «чем глубже мы изучаем материалы, связанные со смертью Кирова, тем больше возникает вопросов», и надо «еще приложить немало усилий, чтобы действительно узнать, кто виноват в его гибели»⁷...

Когда генеральным секретарем ЦК КПСС избрали Л.И. Брежнева, сталинскую версию аккуратно отодвинули в тень. Оставался вариант с одиночкой. Однако, сами понимаете, после ужасных разоблачений предшествующих лет исследователи не спешили его разрабатывать. Биографы Кирова, писавшие между «оттепелью» и перестройкой, обходили щекотливую тему стороной.

С.В. Красников ответил на вопрос «Кто организовал террористический акт?» пространной цитатой из речи первого секретаря ЦК на вышеупомянутом XXII партсъезде (книга вышла в конце лета 1964 года). С.С. Синельников в серии ЖЗЛ (книга вышла в конце 1964 года) ограничился двумя фразами: «...Кирова сразила пуля убийцы. Скончался Киров мгновенно – вероятно, без мучений». Ю.А. Помпеев в документальной повести «Хочется жить и жить» (вышла в начале 1987 года) использовал другой прием: процитировал свидетельства очевидцев покушения. И ни слова о «заказчике», кто бы им ни был...

«Перестроечная» эпоха откатилась, по сути, к хрущевским временам. Д.А. Волкогонов, «придворный» историограф М.С. Горбачева, в 1989 году повторял: «Даже сталинская любовь к Кирову (факты убеждают, что она была) не остановила, по-видимому, его перед тем, чтобы устранить популярнейшего человека, потенциального противника». И снова понадобилось А.А. Кирилиной поднимать документы, чтобы сделать вывод, в 2001 году уже окончательный: «Мнение о соперничестве Сталина и Кирова на политической арене глубоко ошибочно»⁸.

Нечто новенькое предложил А.М. Иванов в книге «Логика кошмара». Он обратил внимание на жену Кирова – М.Л. Маркус, еврейку. Молотов, Ворошилов, Калинин и многие другие имели жен той же национальности. Что это? «Проходной балл», открывающий путь наверх»? И вот ключевой тезис: «Россия... вынесла чудовищной силы удар, нанесенный ей примазав-

⁶ Доклад Н.С. Хрущева о культе личности Сталина на XX съезде КПСС. Документы. М., 2002. С. 68–70, 506, 522.

⁷ Правда. 1964. № 38 от 7 февраля 1964; Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 114–121; XXII съезд КПСС. Стенографический отчет. М., 1962. Т. 2. С. 583.

⁸ Волкогонов Д.А. Триумф и трагедия. Политический портрет И.В. Сталина. М., 1989. Кн. 1. Ч. 2. С. 95; Кирилина А.А. Неизвестный Киров. СПб.—М., 2001. С. 323.

шимися к революции инородцами, и начала, отдышавшись, наносить контрудары, первый раз – в 1926–1927 гг., второй раз – в 1936–1938 гг.».

На XVII партсъезде противники «патриотической» линии Сталина предложили Кирову возглавить заговор, и он согласился, но предпочел «революции» «эволюцию» – «постепенное оттеснение Сталина от руководства... как тридцать лет спустя поступили с Хрущевым». Однако со Сталиным «этот номер не прошел»⁹.

Итак, все возвращается на круги своя. Гибель Кирова явно изменила политический вектор, а кто стоял и стоял ли за убийцей, по-прежнему неясно. Впрочем, не свидетельствует ли это в пользу того, что сама взаимосвязь строится на распространенной логической ошибке: *post hoc ergo propter hoc* (после этого – значит, вследствие этого)? Ведь не обязательно убивать кого-либо, тем более Кирова, чтобы запустить конвейер репрессий. В конце концов, можно что-то поджечь или взорвать, свалив все на оппозицию, и получить тот же результат. И никакой Киров не сможет остановить праведный гнев пролетарских масс...

А если Кирова убил не Сталин, а «псих» Николаев, то дело и вовсе, похоже, не в терроре. А в чем-то другом. Неспроста же Сталин шесть лет торжественно «оплакивал» смерть Кирова, а после войны вдруг перестал...

В январе 1991 года в «Правде» один из «архитекторов перестройки» А.Н. Яковлев признал, что «последствия этой трагедии оказались настолько глубокими, что породили множество политических гипотез. Одна из них гласит: сталинизм – естественное и закономерное порождение революции, социалистической идеи, к чему-то подобному революция не могла не прийти...». Стоит заметить, если сталинизм – «закономерное порождение революции», то Киров бессилен что-либо сделать. На то оно и закономерное. А вот если сталинизм – этап, не запрограммированный изначально революцией и социалистической идеей, тогда, да, от Кирова могло зависеть немало. И нужно лишь отыскать в нём, вокруг него или в прожитых им годах это уникальное что-то, от чего так многое зависело...

⁹ Иванов А.М. Логика кошмара. М., 1993. С. 69–77.

Биографическая хроника

1886 г., 15 (27) марта – в Уржуме родился Сергей Миронович Костриков.

1901 г. – 1904 г. – ученик Казанского промышленного училища.

1904 г. – 1908 г. – революционная деятельность в Томске, вступление в социал-демократическую партию, три тюремных заключения (февраль – апрель 1905 г., январь – апрель 1906 г., июль 1906 г. – июнь 1908 г.).

1908 г. – 1909 г. – пребывание в Иркутске.

1909 г. – переезд во Владикавказ. Работа журналистом, главным редактором газеты «Терек».

1911 г., сентябрь – 1912 г., март – тюремное заключение, суд и оправдательный приговор в Томске.

1917 г., март – декабрь – работа в советских органах Владикавказа. Делегирован на Государственное совещание в Москве и на II Всероссийский съезд Советов в Петрограде.

1918 г., январь – март – участие в Первом и Втором съездах народов Терской области.

1918 г., май – 1919 г., февраль – представитель Совнаркома Терской республики в Москве.

1918 г., август – участие в подавлении белогвардейского мятежа в Астрахани.

1919 г., февраль – апрель – председатель временного Военного революционного комитета Астраханского края.

1919 г., май – 1920 г., март – член РВС 11-й армии, представитель РВС Южного, затем Восточного фронта, член Кавказского ревкома.

1920 г., апрель – май – участие в установлении советской власти в Баку.

1920 г., май – сентябрь – полпред РСФСР в Грузии.

1920 г., сентябрь – октябрь – член советской делегации на переговорах с Польшей.

1920 г., октябрь – 1921 г., июль – член Кавбюро ЦК РКП(б).

1921 г., март – избрание кандидатом в члены ЦК РКП(б).

1921 г., июль – 1926 г., январь – первый (генеральный) секретарь ЦК Азербайджанской компартии.

1923 г., апрель – избрание членом ЦК РКП(б).

1926 г., январь – избрание первым секретарем Ленинградского губкома, затем обкома и горкома ВКП(б).

1926 г., июль – избран кандидатом в члены Политбюро ЦК ВКП (б).

1930 г., июль – избран членом Политбюро ЦК ВКП(б).

1934 г., февраль – избран членом Оргбюро и Секретариата ЦК ВКП(б).

1934 г., 1 декабря – убийство С.М. Кирова в Смольном.

Часть первая

Революционер, ставший оппозиционером

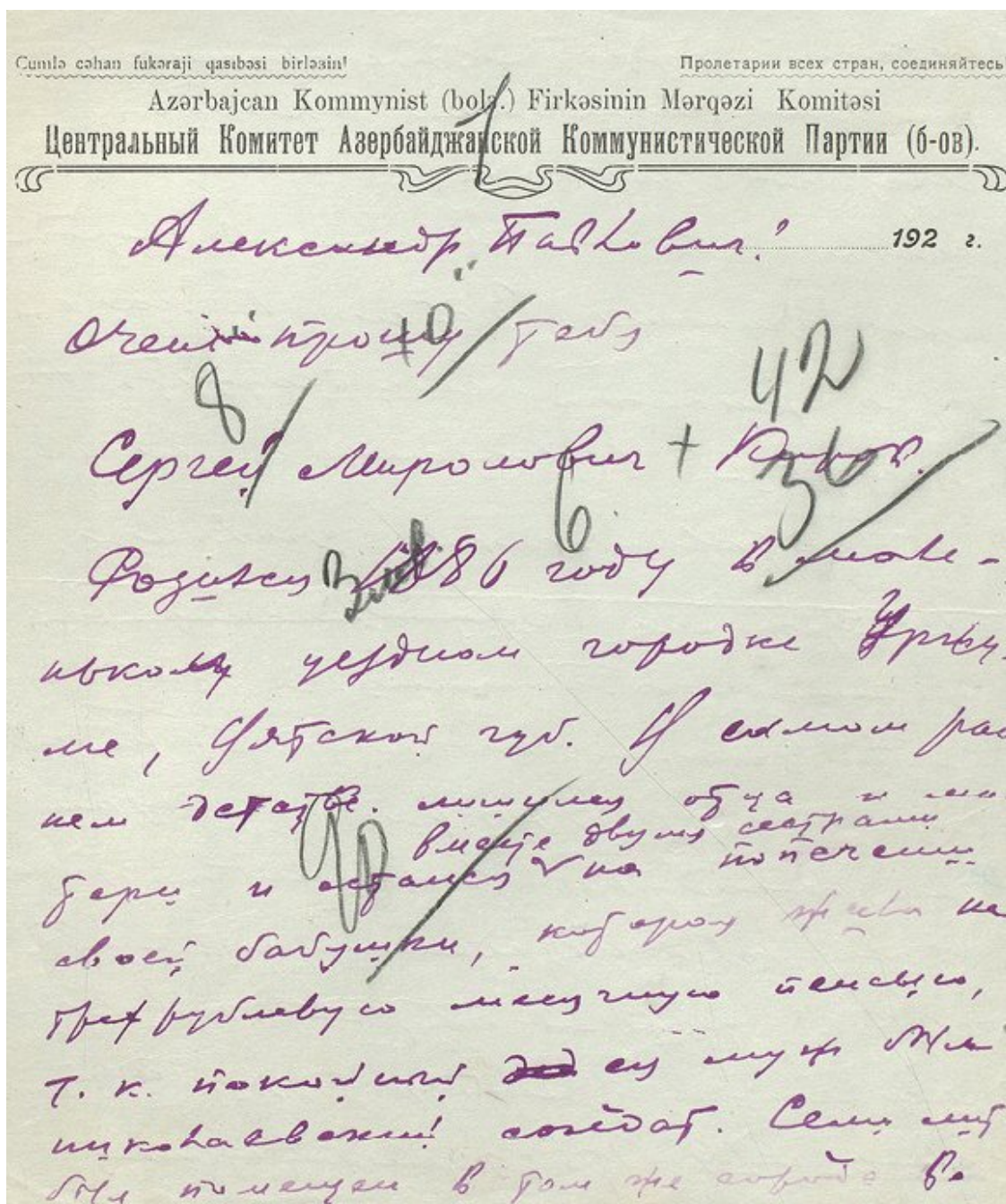
1. Костриков, он же Киров

«Сергей Миронович Киров. Родился в 1886 году в маленьком уездном городке Уржуме Вятской губ[ернии]...»¹⁰

Так начал свою автобиографию наш герой, когда ему пришлось взяться за перо, чтобы кратко изложить собственное прошлое. Дело происходило в Баку, и, похоже, он очень торопился исполнить задание, явно не из приятных для него, если писал на том, что подвернулось под руку, – на служебных бланках ЦК Азербайджанской компартии, в том числе и на одном использованном ранее. На нём под самой «шапкой» тем же почерком выведено: «Александр Павлович! Очень прошу тебя...» Что хотел от главы «Азнефти» Серебровского товарищ Киров, осталось неизвестным. Ниже той же скорописью начертаны уже процитированные первые строчки автобиографии...

Уточним, родился Сергей Миронович 15 (27) марта 1886 года в семье мещанина Мирона Ивановича Кострикова. Киров – псевдоним, до 1917 года литературный, затем – политический, превратившийся, как и у многих большевиков того времени, в основную фамилию. Зафиксирована дата её рождения – 26 апреля 1912 года. Именно тогда Костриков впервые подписался Кировым под статьей «Поперек дороги», посвященной расстрелу рабочих на золотых приисках реки Лены. Статью опубликовала владикавказская газета «Терек», в которой молодой Сергей работал с 1910 года членом редакции, с 1913 года – главным редактором. Кстати, в «Терском календаре», ежегодном издании Статистического комитета Терской области, он регулярно упоминался, причем под своей настоящей фамилией: Костриков.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 10. Д. 18. Л. 1.

Начало автобиографии С.М. Кирова, написанной в Баку. [РГАСПИ]

Существует две версии возникновения псевдонима Киров. Первую поведал разъездной корреспондент «Терека» Александр Яковлев: идею подал предшественник Кирова на посту главного редактора («заведующего редакцией») «Терека» Николай Петрович Розанов, рекомендовавший молодому журналисту расстаться с прежним «простым» псевдонимом для газеты («С. Миронов»), а новый поискать в православном месяцеслове. Разговор происходил 25 апреля. На листке настольного перекидного календаря увидели имя Кирия (сокращенное от Кириакии, святой Кириакии Кесарийской). Корень слова и лег в основу нового псевдонима.

Вторую сообщил Константин (Дзахо) Гатуев, осетинский писатель и поэт, приятель Кирова: взять другой псевдоним предложил Розанов, но идею с месяцесловом подал член редакции Александр Тихонович Солодов. Листали настенный перекидной календарь и на дату вовсе не ориентировались. Остановились на имени Кир, в честь врача и христианского мученика Кира Александрийского. Но у всех в комнате имя вызвало ассоциацию с полководцем и

персидским царем Киром II Великим¹¹. Чье повествование ближе к истине? Похоже, что Гатуева. Он присутствовал при этом, Яковлев же с осени 1911 года находился в тюрьме, затем в ссылке. Да и мученицу Кириакию Кесарийскую почитали 7 июня, а не 25 апреля.

Впрочем, не исключено, что на псевдоним повлияло не только имя Кир, но и очень редкое выпадение в 1912 году на один день (25 марта) двух важнейших в православии праздников – Благовещения и Светлого Христова Воскресения. Называется оно Кириопасхой, и второй раз в XX веке она случилась в 1991 году. Учитывая, что поиск происходил 25 апреля, ровно через месяц после Кириопасхи, и Розанов, и Солодов, и Костриков, изучая месяцеслов, не могли не обратить внимание на достойный примечания факт, уникальный и к тому же очень символический, если брать в расчет Кира-целителя, а не царя...

¹¹ Известия. 1939. № 277 от 1 декабря; Гатуев К.А. Избранное. М., 1970. С. 190, 191; Терский календарь на 1912 год. Владикавказ, 1911. Ч. 1. С. 13, 18; Ч. 3. С. 91; Терский календарь на 1913 год. Владикавказ, 1912. Ч. 3. С. 123.

2. Между домом и приютом

Продолжим цитировать Кирова: «В самом раннем детстве лишился отца и матери и остался вместе [с] двумя сестрами на попечении своей бабушки, которая жила на трехрублевую месячную пенсию, т. к. покойный ее муж был николаевский солдат». Все верно, сирота, правда, при живом, много пившем и покинувшем семью отце, Сережа Костриков воспитывался женщинами – матерью и бабушкой. Мать Екатерина Кузьминична, дочь уржумского домовладельца из крестьян Кузьмы Казанцева, после «бегства» мужа «на Урал искать доходное место» бралась за любую работу, заболела чахоткой и умерла в декабре 1894 года, оставив на попечении свекрови Меланьи Авдеевны Костриковой восьмилетнего Сережу и двух девочек, одиннадцатилетнюю Анну и пятилетнюю Елизавету.

Сергей Костриков с бабушкой Меланьей Авдеевной и сестрами Анной и Елизаветой, 1904 г. [РГАСПИ]

Бабушка, взяв на себя заботы о внуках, внука пристроила в «дом призрения» Уржумского благотворительного общества. По нынешним меркам – в интернат. Ни солдатской пенсии, ни «ренты» с двух скромных квартир, сдаваемых внаём, ей не хватало, чтобы одеть, обути и прокормить троих детей. Добрые люди советовали отдать в приют всех троих, но «благодетели» согласились взять одного – мальчика. Ведь о девочках старушка, прежде вынянчившая немало барских ребятишек, вполне могла позаботиться сама, имея собственный дом с квартирантами, тридцать шесть рублей в год «за мужа» и здоровую, бойкую козу Шимку... Кстати, присматривать за Шимкой, искать её, если куда убежит, собирать для «кормилицы» траву за городской чертой – первая серьезная обязанность маленького Сережи, который очень не хотел в приют... Плакал, упирался, обещал заработать недостающие деньги...

С конца лета 1895 года его дом – одноэтажный, вместительный деревянный особнячок в самом конце главной улицы города Воскресенской (ныне Советской). «Рядом – крутой высокий обрыв, внизу – речка Уржумка, за нею – обширные зеленые луга» и «покрытые лесами холмы». Распорядок в приюте – монастырский. Три раза в день – на молитву. В промежутках – занятие чем-то полезным: помощь по кухне, уборка, ношение воды с речки, починка обуви и штопанье одежды, плетение соломенных шляп, сумок, корзин, вязание чулок. Последнему Сергей научился ещё дома. Бабушкино влияние... Развлекаться, поиграть в городки или лапту детворе можно во дворе, но за ограждение без воспитателя – ни ногой. Внутри – две спальни (для мальчиков и для девочек), уставленные деревянными топчанами с соломенными матрацами и серыми одеялами из грубого сукна. Столовая в полуподвальном помещении. Кормили воспитанников, строго соблюдая все церковные посты, а значит, не сытно...

Кострикову тогда повезло. По возрасту он подходил для учебы в приходской школе, которую (такой же деревянный домик вблизи приюта) и начал почти сразу посещать в первой половине дня. В ней «приютские» учились «читать, писать, считать» вместе с «городскими». Это во-первых. А во-вторых, вскоре после зачисления мальчика в «дом призрения» «надзирательницей» в нём стала молодая женщина Юлия Константиновна Глушкова, довольно набожная, но интеллигентная и с прогрессивными взглядами. Она навела порядок в непомерно избыточной трудотерапии, царившей в приюте до неё, показала себя строгой, требовательной, но справедливой, заботливой, а порой и ласковой воспитательницей. Именно Глушкова обратила внимание на способности Сергея, постаралась развить их и со временем сильно, по-матерински, привязалась к нему. Её усилиями Кострикова по окончании приходской школы осенью 1897 года за «средства благотворителей» зачислили в местное городское училище. Добиться благосклонности «благотворителей» к отроку помогала и Меланья Авдеевна, бывшая нянькой у детей некоторых из них.

В училище Сергей занимался средне, в основном получая за четверть четверки и тройки, редко пятерки. Хуже давался русский язык и Закон Божий, лучше – география, рисование и естествоведение. В первой четверти во втором отделении второго класса (в училище в каждом из классов, втором и третьем, обучались по два года) он пропустил по уважительной причине двадцать восемь уроков. Видимо, по болезни. И в том же учебном году (1898/99) – всплеск успеваемости по географии (две пятерки и две четверки в четвертях, пятерка за годовой экзамен). Можно предположить, что именно в «пропущенные» дни подросток прочитал понавившиеся ему две книги: «Дети капитана Гранта» Жюль Верна и «Робинзон Крузо» Даниэля Дефо. Отсюда и интерес к школьному предмету, правда, краткосрочный. В следующем учебном году (1899/1900) по географии – стабильная четверка.

Сергей Костриков в группе учеников Уржумского городского училища. [РГАСПИ]

Во втором отделении третьего класса по всем предметам тройки и четверки, кроме гимнастики и... Закона Божьего! В чем дело? Во влиянии «надзирательницы» Юлии Глушковой? По крайней мере, она, к театру не равнодушная, водившая детей на любительские спектакли в «Народной аудитории», старом здании приюта, ту же привязанность к этому виду искусства своему воспитаннику привить сумела...¹²

Родную семью Сергей не забывал и, по воспоминаниям сестер, по воскресеньям, а часто и после уроков навещал их с бабушкой в том самом собственном доме с квартирантами на улице Полстоваловской (улица Кирова), построенном дедом Кузьмой Казанцевым. Мог забежать и на перемене. Благо училище в двух шагах, «наискосок», на углу улиц Полстоваловской и Буйской (Чернышевского). Здание приюта стояло гораздо дальше, за базарной площадью. По словам сестер, брат помогал им по хозяйству: то «разгребет снег на дорожках, подметет, то дров наколет, то подопрет колом пошатнувшийся забор в огороде, а то принесет воды с Шинерки», небольшой речки, притока Уржумки. А поход за водой – «настоящее мученье», ибо с берега поднимались по крутой лестнице, насчитывавшей около ста ступенек.

Между прочим, прийти в родной дом после уроков означало потом возвращаться в приют одному. Учítывая, что в училище «городские», а они составляли большинство, враждовали с «приютскими» и частенько нападали на них из засад, юный Костриков рисковал по дороге в приемный дом нарваться на такую шайку. Его товарищи обычно шли из училища гурьбой, чтобы при необходимости дать обидчикам отпор. «Городские» редко атаковали группы, чаще подкарауливали и колотили одиночек¹³.

Так что наш герой научился пускать в ход кулаки для самозащиты и сообщая с друзьями отбиваться от назойливых агрессивных однокашников. На оценки за поведение в школьном журнале уличные бои не влияли. Они неизменно «отличные». А в характеристике учителя А.С. Раевского читаем: «По своим нравственным качествам, серьезному отношению к делу и успехам Костриков за все время пребывания в училище принадлежал к хорошим ученикам. Всегда

¹² Кострикова А.М., Кострикова Е.М. Это было в Уржуме. Киров, 1962. С. 3—21, 24—30, 35, 41; Киров и время. Л., 1986. С. 21; Виртуальная выставка. С.М. Киров. Детские и юношеские годы. К 135-летию со дня рождения (фото и документы). Киров, 2021. Часть 4. Годы учебы.

¹³ Костриковы А.М. и Е.М. Это было в Уржуме. Киров, 1962. С. 42, 51.

серьезный, сознательно и добросовестно относившийся к своим обязанностям, он отличался совершенно безупречным поведением».

Помимо театра Юлия Глушкова приохотила любимца к систематическому чтению. В доме на Полстоваловской улице библиотеки не имелось. А в приюте пусть небольшая, но была. Сергей осилил её довольно быстро. Где достать ещё? «Надзирательница» принесла свои. Когда иссяк и этот резерв, Юлия Константиновна записала воспитанника в бесплатную библиотеку-читальню имени земского деятеля А.П. Батуева, открывшуюся не так давно, в 1895 году. Чуть погодя пристроила юного книгочея в другую, организованную при Обществе народной трезвости. Подросток с радостью окунулся в мир русской и мировой классики. Познакомился с Пушкиным, Лермонтовым, Тургеневым, Гоголем, Вальтером Скотом, Марком Твеном, Жюлем Верном, Даниэлем Дефо. Сочувствовал Герасиму и Муму, восхищался «Мцыри» и «Тарасом Бульбой», сопереживал героям «Капитанской дочки» и «Айвенго», представлял себя на необитаемом острове или на паровой яхте «Дункан», по тридцать седьмой параллели огибающей земной шар... С тех пор Кострикова часто видели с заткнутой за поясом книгой. Эта привычка – погружаться в чтение при первой свободной минуте – останется с ним на всю жизнь¹⁴.

В марте 1901 года Сергей окончил училище в целом на твердое «хорошо», хотя две тройки в аттестат и вкрались (увы, по истории и географии)¹⁵. Впрочем, попечители «дома призрения» сочли юношу вполне достойным для продолжения образования за счет общества. Конечно, без активного содействия Юлии Глушковой данное решение едва ли было бы принято. В этом Сергею вновь повезло. А что касается места учебы, то выбор покровителей пал на низшее механико-техническое училище при Казанском промышленном училище. По-современному, технический колледж, по советской шкале – ПТУ или ВПТУ (Высшее профессионально-техническое училище).

Кострикову предстояло обзавестись престижной на тот период – период бурного промышленного развития – профессией техника-механика. Правда, именно в этой «технической» среде наблюдался в те же годы заметный рост фрондерских настроений в отношении самодержавия. В ней активно распространялись крамольные брошюры и книжки, как правило, марксистского толка, которые читались и обсуждались полулегально в «кружках», в кругу близких по духу друзей и коллег.

¹⁴ РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 1. д. 55. Л. 2, 2 об.; *Костриковы А.М. и Е.М.* Это было в Уржуме. Киров, 1962. С. 53–57, 96.

¹⁵ РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 51. Л. 2.

3. Казанские контрасты

В автобиографии Киров описал первые революционные шаги скупой: «В Уржуме познакомился с политическими ссыльными. Позднее, приезжая в Уржум из Казани на каникулы, знакомства эти стали более определенными. Часто бывал у ссыльных, получал нелегальную литературу и прочее. Эта элементарная политическая подготовка дала возможность получить некоторые связи с казанскими студентами»¹⁶. В первом предложении зачеркнуто важное пояснение: с ссыльными ученик Костриков познакомился «через земских работник[ов]», то есть случайно. Он либо сопровождал земца, когда тот по делам зашел к отбывавшим ссылку «товарищам», либо занес им что-то по просьбе того же земца.

¹⁶ РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 10. Д. 18. Л. 1, 2.

Прошение о зачислении Сергея Кострикова в Казанское промышленное училище, 1901 г.
[РГАСПИ]

По версии сестер Кирова, знакомство произошло через ссыльного, репетитора по математике соседа Костриковых Александра Самарцева. Вдова Устинья Степановна Самарцева с детьми (Ваней, Саней, Нюрой и Катей) долгое время снимала одну из квартир в доме Костриковых. Сергей сдружился с обоими братьями Самарцевыми, но больше всего с Сашкой. С ним чаще играл во дворе, гулял на улице, рыбачил на реке... Так вот, по словам Самарцева, он «с Сережей частенько заходил к ним», к ссыльным... когда тот на каникулы приезжал из Казани. В принципе, оба варианта не противоречат, а дополняют друг друга. Был и земский работник, был и репетитор математики, которой юный Костриков увлекался. Однако те встречи, до Казани, носили все-таки мимолетный характер и не имели никаких политических последствий. Хотя запомнились и пригодились в казанский период обучения и появления там, в Казани, интереса к «элементарной политике»¹⁷.

В казанское училище он поступил в августе 1901 года. 17 июля председатель уржумского благотворительного общества В.Ф. Польшнер направил в училище прошение. Оттуда 8 августа сообщили, что их воспитанник зачислен. Бабушка с сестрами собрали парня в дорогу. Полтора десятка верст до села Цепочкино он прошагал пешком. Там сел на пароход и отправился вниз по Вятке до Камы, затем по Каме до Волги. А по Волге – до Казани. По прибытии встал на постой «в небольшом доме по Нижней Федоровской улице», в пансионе Людмилы Густавовны Сундстрем, родной сестры супруги Польшнера. Пансион «работал» на съемных квартирах с осени до весны. В нём проживали и столовались дети богатых и зажиточных уржумцев, учившиеся в казанских гимназиях, реальных училищах и институтах. На лето заведение закрывалось: все возвращались домой, в Уржум.

Костриков квартировал в пансионе один учебный год. Потом хозяйка уехала в Ижевск. В новом сезоне опекать уржумцев предстояло кому-то другому, и Сергей не захотел рисковать. У Сундстрем он выглядел «белой вороной». Ведь его взяли туда в виде исключения, по просьбе главного благотворителя Польшнера. Вокруг «золотая молодежь», и он никак не вписывался в их блестящий круг, ютился на кухне трехкомнатного общежития, где в одной комнате спали ребята, в другой – девочки, в третьей – сама мадам. Унизительно и обидно было сознавать, что тебе, «бедному родственнику», разделять кров с другими сверстниками из обеспеченных семей не положено. Более того, ты должен дожидаться окончания вечерней трапезы и ухода кухарки, чтобы заполучить кухню с отдельной кроватью и столиком в свое полное распоряжение и засесть наконец за домашнее задание. А оно могло занять не менее часа, а то и два. Между тем к половине восьмого утра Костриков обязан быть в училище, на общей молитве. Затем уроки до полудня и с двух до шести...

¹⁷ Костриковы А.М. и Е.М. Это было в Уржуме. Киров, 1962. С. 5, 8, 57, 84; Рассказы о Кирове. Сборник воспоминаний. М., 1976. С. 32.

В Обществу Воспомоществованию Благоразума
Казанского Губернского училища

Иван Сергеевич

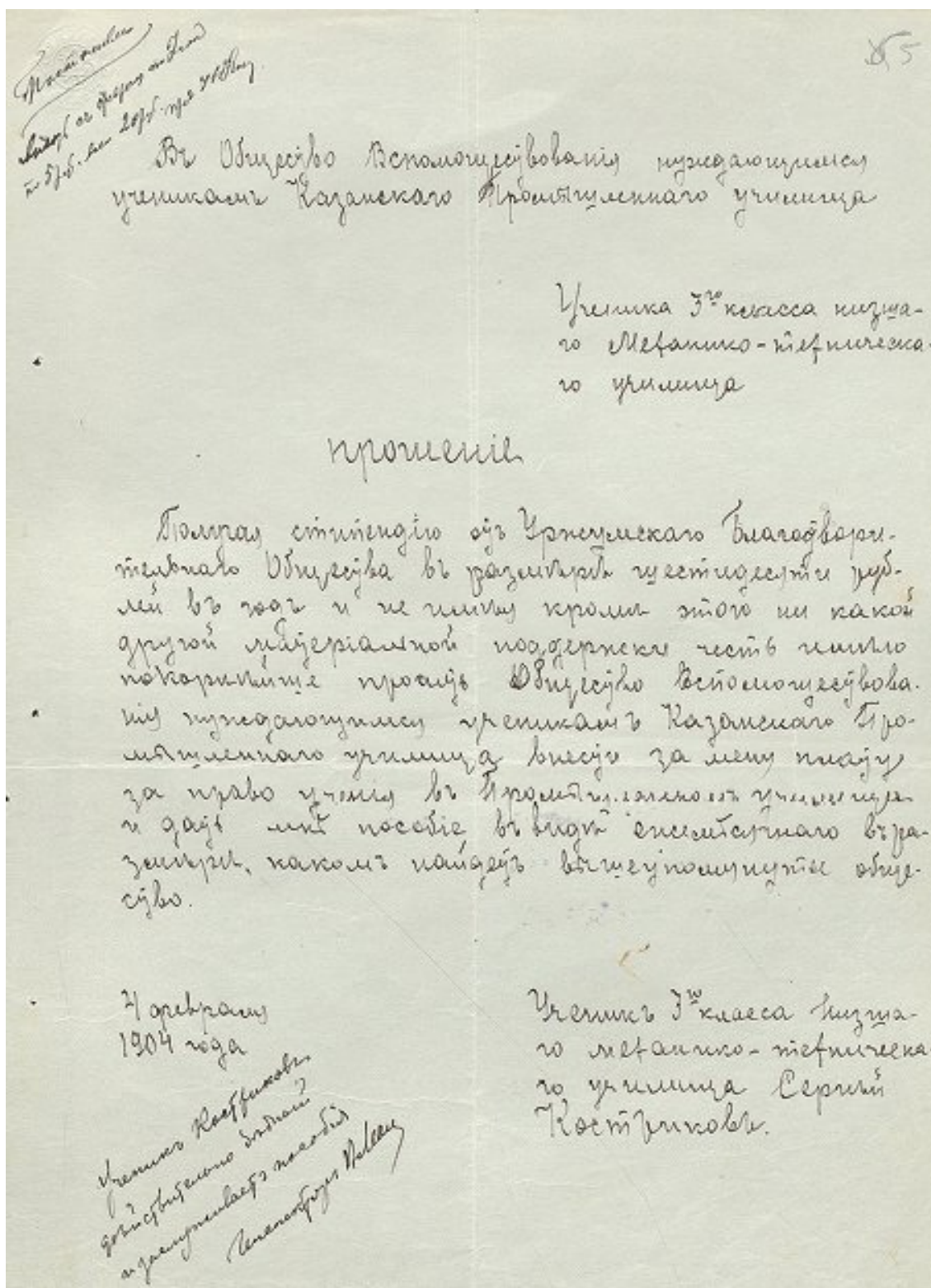
Ученик III класса Казанского
Механико-технического
Казанского Губернского
училища Кострикова
Сергий.

прошение.

Покорнейше прошу Обществу Воспомоществованию
Благоразума ученика Казанского Губернского
училища Кострикова Сергея, пособие в
размере 15 рублей. для уплаты за
квартиру.

1903 года
Октября 14го дня.

Ученик III класса Казанского
Механико-технического
училища Кострикова
Сергий

Прошения Сергея Кострикова о выдаче ему денежных пособий. [РГАСПИ]

Хотя Людмила Густавовна обращалась с ним по-доброму, а её подопечные – вполне сносно, разница в социальном статусе давила. В общем, когда Сергей узнал, что у пансиона будет новый «мажордом», то решил не испытывать судьбу, а встретить вторую учебную осень, осень 1902 года, среди равных себе, таких же бедных студентов, снимавших частные квартиры в складчину. Однако заплатить за душевный покой пришлось безденежьем, придирчивым надзором инспекторов училища, недоеданием и, как следствие, пошатнувшимся здоро-

вьем. Костриков заразился малярией, которой страдал в течение всех оставшихся двух лет обучения. Денег катастрофически не хватало даже на дешевый обед в ученической столовой – восемь копеек за порцию. Он периодически просил Общество вспомоществования бедным ученикам Казанского промышленного училища о материальной поддержке. И оно неизменно откликалось выплатой пособия в размере пяти рублей на месяц. Помогали и преподаватели, приглашая исхудавшего юношу к себе на квартиру побеседовать и... отобедать¹⁸.

Не пережитый ли им лично контраст – сытый, в тепле, но униженный у Сундстрем, свободный, но голодный и больной среди равных себе – побудил взять в руки «тенденциозную», по выражению сестер, литературу? Сначала у товарищей по училищу, затем в родном Уржуме у «политических», дорогу к которым не забыл... У С.Д. Мавромати, студента Петербургского электротехнического института, или у врача П.П. Маслокова. У них Сергей впервые прочитал номер «Искры», брал сочинения Чернышевского и Добролюбова, узнал тексты многих революционных песен. Но в Казани «Варшавянку» или «Марсельезу» Костриков не распевал, в сходках или акциях протеста не участвовал¹⁹. Ведь учеба оплачивалась покровителями из Уржума: в год тридцать рублей «за право учения» и шестьдесят рублей стипендии. Правда, за последний год обучения общество не заплатило, объяснив уклонение тем, что «средства крайне ограничены», но в хлопотах об освобождении от этой платы Кострикову содействовало, да и сумму стипендии выдало исправно²⁰.

Да, наш «земский стипендиат» прекрасно понимал, что «в России в училищах велят делать только то, что нужно начальству, и так же думать. Если же ученик начал развиваться, как следует, и начал думать лишнее, то его обыкновенно гонят». Это написано 31 марта 1903 года «крестной» Анастасии Глушковой, сестре воспитательницы²¹. Посему самое большее, в чем юноша мог провиниться и отправиться в карцер: демонстративно со всем классом отказаться писать контрольную по Закону Божьему или без позволения начальства посетить театр (ноябрь 1903 года). А не публично: осторожно установить «некоторые связи» со студентами Казанского университета, с которыми впервые столкнулся, услышав много чего «крамольного»... в пансионе Сундстрем. Впрочем, «связи» искал не для революционной деятельности, а для получения у них запретной публицистики. Недаром в той же автобиографии Киров подчеркнул, что «стал революционером» «по окончании технического училища»²². Не раньше.

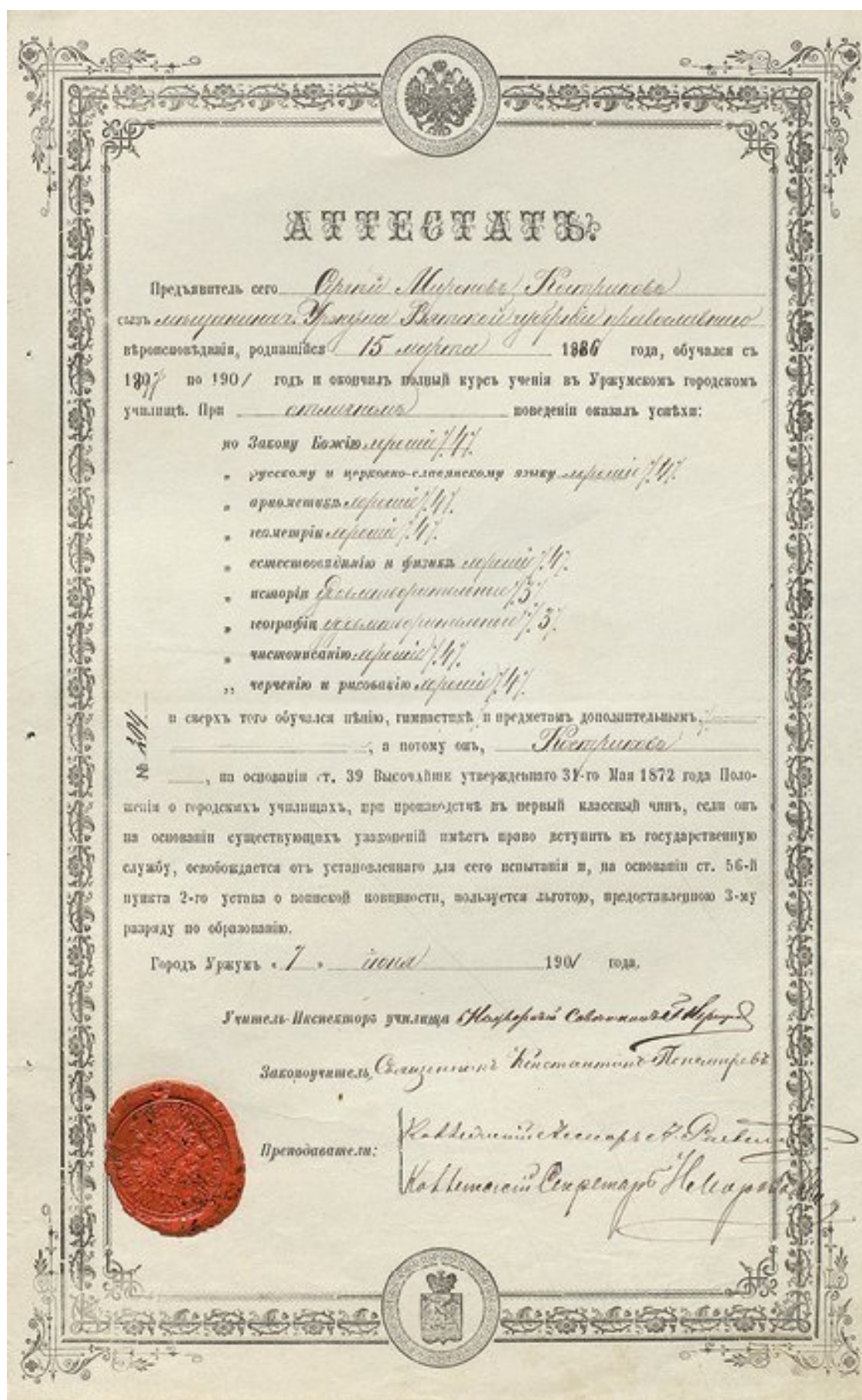
¹⁸ РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 51. Л. 1, 5, 5 об.; Д. 53. Л. 1–5; *Костриковы А.М. и Е.М.* Это было в Уржуме. Киров, 1962. С. 58, 64–68; Правда. 1935. № 330 от 1 декабря; Вечерняя Москва. 1934. № 279 от 5 декабря.

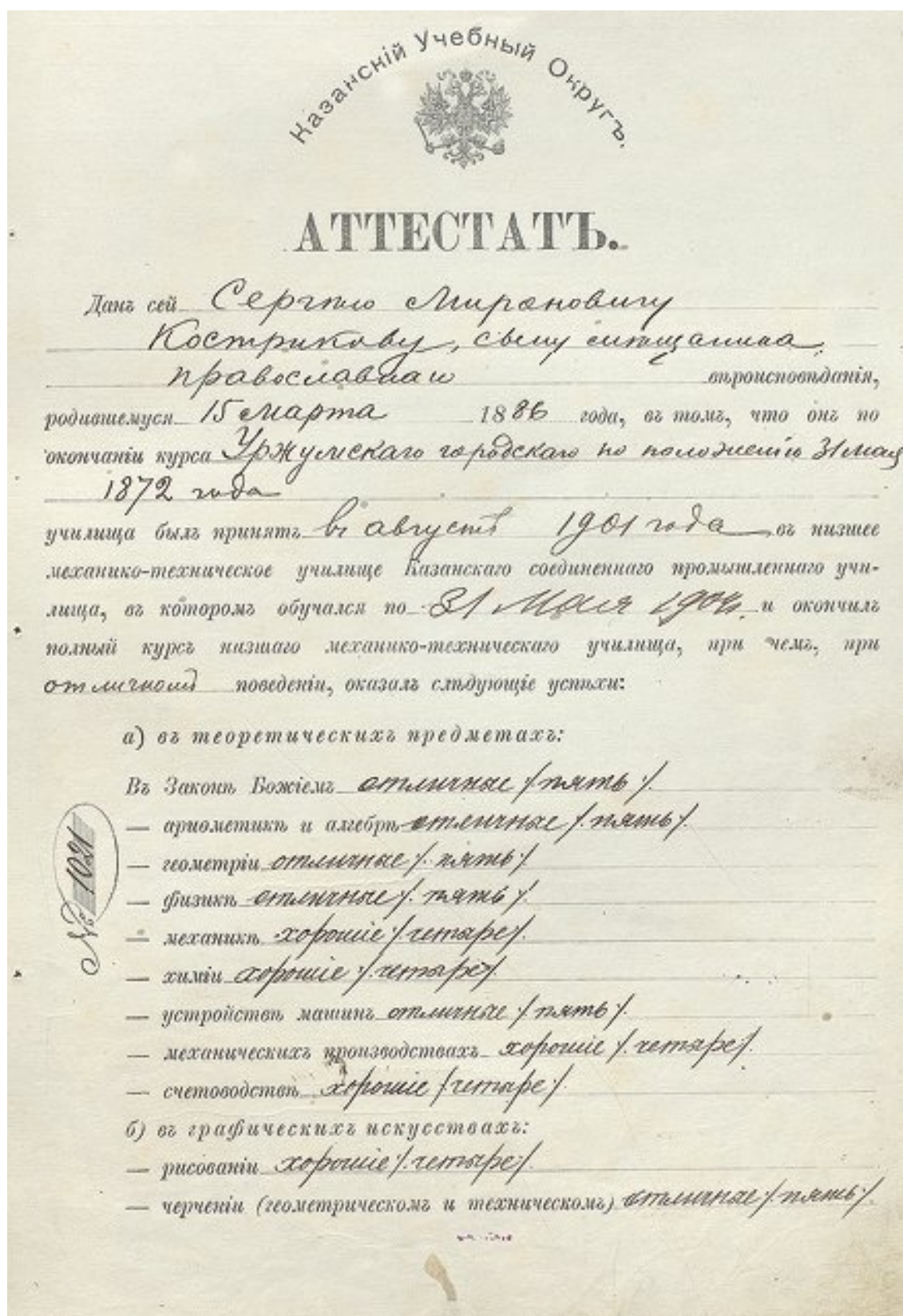
¹⁹ *Костриковы А.М. и Е.М.* Это было в Уржуме. Киров, 1962. С. 84, 86, 87; Рассказы о Кирове. М., 1976. С. 31, 32.

²⁰ РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 1. Д. 53. Л. 2, 4–5; Д. 56. Л. 1.

²¹ РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 27. Д. 1. Л. 1, 2 об.

²² РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 10. Д. 18. Л. 2; *Костриковы А.М. и Е.М.* Это было в Уржуме. Киров, 1962. С. 72, 73,

Аттестаты Сергея Кострикова об окончании Ужумского городского училища и Казанского промышленного училища, 1901 и 1904 гг. [РГАСПИ]

4. Не студент, но революционер

Костриков распростился с учебой в Казани 1 июня 1904 года. Ему вернули выписку из метрики с датой рождения и удостоверение о принадлежности к мещанскому сословию. Вручили аттестат, который, в отличие от аналога училища уржумского, свидетельствовал об успехах выпускника: одни «отличные» и «хорошие» оценки. Ни единой «достаточно», то есть «тройки». «В теоретических предметах» им освоено на «пять» «устройство машин», а в «графических искусствах» – геометрическое и техническое черчение. «По практическим работам в механических мастерских» как столяр он заслужил твердое «четыре», а как слесарь и механик – уверенное «пять»²³.

Дальше его ожидали какой-нибудь передовой по тому времени завод, железнодорожное депо, или мастерская на крупной узловой станции, или... институт. Будучи в Уржуме, Сергей пол-года твердил: «Поеду в Сормово!» Иными словами, на завод, судостроительный. Твердил, пока не познакомился с И.А. Никоновым, окончившим то же Вятское реальное училище, что и Саша Самарцев. Молодой человек на летние каникулы вернулся из Томска, сдав экзамены за второй курс горного отделения Томского технологического института. Этот «знакомый студент-технолог» и предложил отправиться в Сибирь учиться дальше, на инженера:

– Сергей, поедemте в Томск. Поступите на общеобразовательные курсы. Через два года получите аттестат зрелости. Как-нибудь проживем...

Сергей, подумав, согласился. Он действительно имел «стремление продолжать образование». Смущало отсутствие средств. А тут появлялся шанс... Сестры Глушковы и родные его поддержали. Разве что бабушка повздыхала немного: не нравилось ей, что внук добровольно поедет в Сибирь, куда обычно везут против воли, под конвоем.

Томский технологический институт. [Из открытых источников]

Ранним августовским утром Сергей Костриков в сопровождении сестер и друзей, в том числе Сани Самарцева, вышел из ворот дома на улице Полстоваловской и через лес пешком отправился к селу Цепочкино, к пристани на реке Вятка. От пристани отходил пароход до Вятки, губернского центра, откуда затем по железной дороге предстояло добраться до Томска²⁴.

Томский технологический институт открылся в октябре 1900 года. Преподавание в нём велось на четырех отделениях – механическом, химическом, горном и инженерно-строитель-

²³ РГАСПИ.Ф. 80. Д. 50. Л. 3, 3 об.; Д. 51. Л. 1 об.

²⁴ РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 10. Д. 18. Л. 2; Список студентов Томского технологического института императора Николая II. Томск, 1903. С. 115; *Костриковы А.М. и Е.М.* Это было в Уржуме. Киров, 1962. С. 91–94; Товарищ Киров. М., 1935. С. 29; Комсомольская правда. 1934. № 283 от 8 декабря.

ном. Судя по всему, Костриков стремился попасть на последнее (в апреле 1902 года он безуспешно пытался перевестись с механического на строительное отделение казанского училища). Однако для поступления требовался тот самый аттестат «об окончании курса в средних учебных заведениях», то есть гимназии или реальном училище. Аттестата промышленного училища было мало. Для таких абитуриентов в 1903 году «группа передовых томских педагогов» и организовала при институте подготовительные вечерние «общеобразовательные» курсы.

Сергей стал их посещать, видимо, неофициально. Для формального зачисления требовались две справки: об устройстве на работу и о политической благонадежности. Прежде чем трудоустроиться на должность чертежника в Томской городской управе, Костриков какое-то время разносил по адресам страховые полисы местного страхового общества. А свидетельство из Вятки об отсутствии претензий со стороны властей получил примерно через полгода²⁵.

Впрочем, с учебой ничего не вышло. К тому времени Костриков уже принял главное в своей жизни решение – «связался с товарищами... местной социал-демократической организации». В Томске он жил вместе с Иваном Никоновым в доме на Кондратьевской улице. Комнату рядом занимал молодой паренек, служивший в одной из контор, по фамилии Мелихов. Сосед тоже посещал вечерние курсы в технологическом институте. На том, похоже, оба и сошлись, затем подружились. Сергей быстро смекнул, что Мелихов «имеет связь с партийными». И верно, вскоре на тех же курсах Костриков благодаря новому другу познакомился с несколькими типографскими рабочими, в том числе с братьями Кононовыми, Иосифом и Егором. Они изредка приходили послушать лекции.

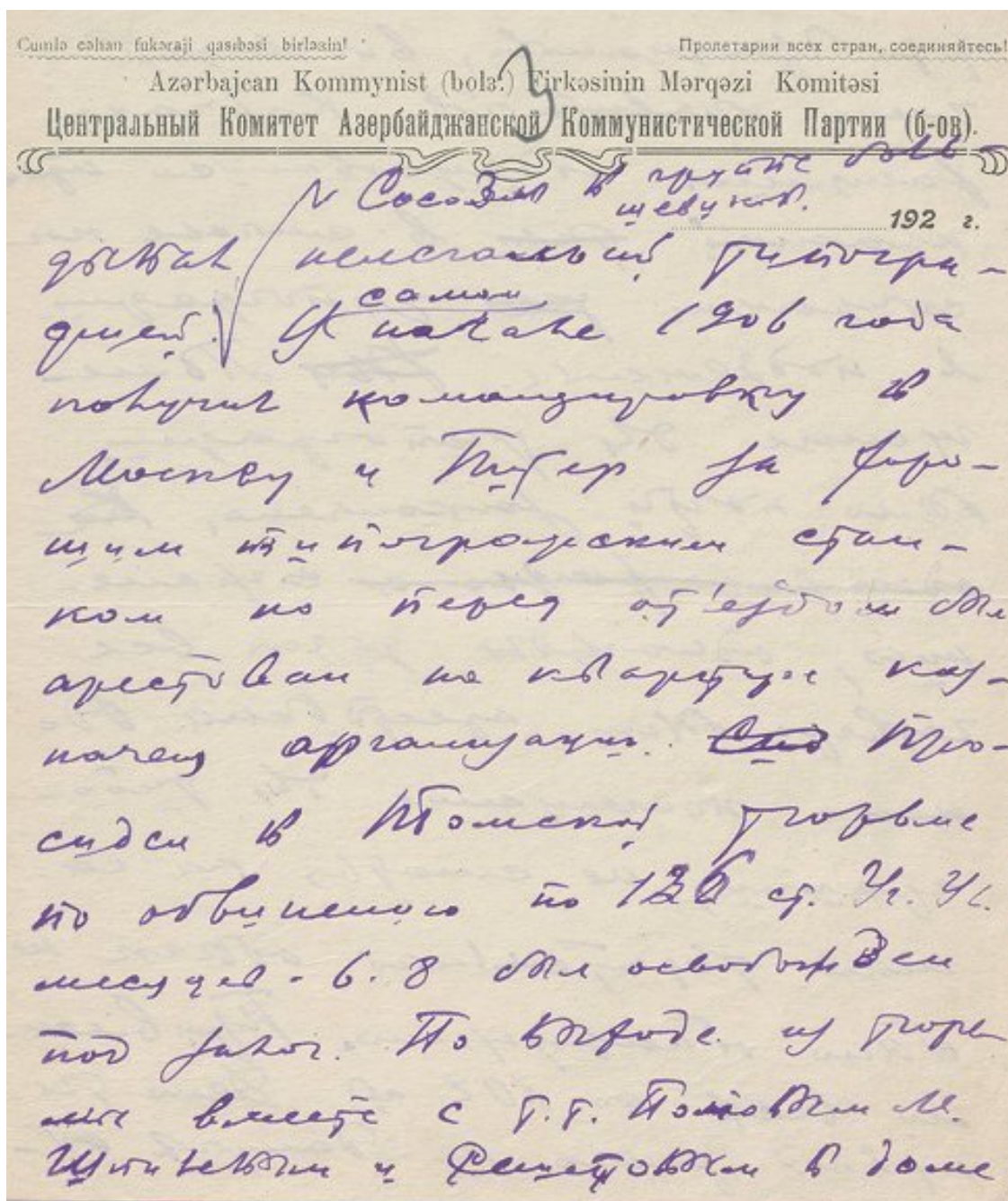
Вот у кого точно есть доступ к нелегальной литературе! Молодой уржумец не ошибся. Более того, Кононовы являлись членами социал-демократического кружка, изучавшего ту самую литературу. Похоже, восемнадцатилетнего Сергея одолевала два желания, две страсти – разобраться в устройствах машин и... человеческого общества. Характерен в данном отношении отрывок из цитированного письма А.К. Глушковой от 31 марта 1903 года: в Казани «есть завод Крестовникова... Здесь рабочие работают день и ночь, и круглый год без всяких праздников. А спросите вы их, зачем вы и в праздник работаете? Они вам ответят. Если мы не поработаем хотя один день, то у нас стеарин и сало застынут, и нужно снова будет разогревать, на что понадобится рублей 50, а то и 100. Но скажите, что стоит фабриканту или заводчику лишится 100 рублей. Ведь ровно ничего не стоит. Да, как это подумаешь, так и скажешь. Зачем это[?] Один блаженствует, ни черта не делает. А другой никакого отдыха не знает и живет в страшной нужде...»²⁶.

Из текста видно, что практиканту, побывавшему на заводе братьев Крестовниковых, одинаково интересны и технология производства свечей с мылом, и вопросы социального неравенства, несправедливости, которые он обнаруживает на этом заводе, и, конечно, не только на нём. Узнать, как из масла, жиров и щелочи получают мыло, легко из специализированного учебника. А как докопаться до подноготной общественного расслоения и методов его устранения? Рецепты легальные ясности не давали, почему Костриков, естественно, обратился к «плодам» запретным. Ещё в Казани он прослышал о трудах Маркса и Ленина, а пролистать тот же «Манифест Коммунистической партии» или ленинскую брошюру «Что делать?» довелось лишь в Томске. Благодаря новым социал-демократическим знакомым.

²⁵ РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 1, Д. 52. Л. 1; Оп. 10, Д. 18. Л. 2; *Костриковы А.М. и Е.М.* Это было в Уржуме. Киров, 1962. С. 95; *Товарищ Киров. М., 1935. С. 30; Пролетарская революция. 1935. № 5. С. 73.*

²⁶ РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 27. Д. 1. Л. 1, 1 об.; *Товарищ Киров. М., 1935. С. 30; Пролетарская революция. 1935. № 5. С. 73.*

[illegible]

Листы из автобиографии С.М. Кирова о начале революционной деятельности в Томске.
[РГАСПИ]

Один из лидеров томских эсдеков, Г.И. Крамольников (Пригорный), вспоминал, что начинал Сережа Костриков в кружке Любы Левитман, «очень боевой и теоретически подкованной партийки», члена томского подкомитета РСДРП, молодежного актива, ставшего кадровым резервом для пополнения самого городского комитета. Тем не менее эти занятия уржумского юношу не удовлетворяли. Ему хотелось попасть в другой кружок, «повышенного типа», где собирались рабочие типографий. Своего он добился. С помощью Иосифа Кононова, работавшего в типографии П.И. Макушина.

Не прошло и месяца со дня приезда Кострикова в Томск, как новый друг Сергея познакомил его с главой нужного кружка Г.И. Крамольниковым. Настолько неотразимым оказалось обаяние соквартиранта студента Никонова и соседа канцеляриста Мелехова. Опытный подпольщик Григорий Пригорный (Крамольников, понятно, псевдоним) тоже не устоял. Иосиф

Кононов сыграл на увлечении «шефа» математикой и «горячо расхваливал Сережу» – «способного... интересующегося техникой и математикой» и, да, «надежного» в смысле сочувствия социал-демократическим идеям.

Крамольников новичка принял. Мечта сбылась. С конца сентября 1904 года Костриков читал и обсуждал с товарищами и Маркса, и Каутского, и Ленина, в том числе его брошюру «Что делать?». А прежде со всеми изучил «Экономические этюды и статьи» Владимира Ильина. Под таким псевдонимом в 1899 году опубликовал ряд трудов Ленин.

Очень быстро Крамольников сблизился с протеже Кононова, даже упражнялся с ним математикой на досуге, чтобы помочь поступить в институт. Изредка Григорий Иннокентьевич брал Кострикова с собой на диспуты в дом купца И.Г. Чистякова, зятя С.Ф. Хромова, приютившего за полвека до того знаменитого старца Федора Кузьмича. У Чистяковых на Монастырской улице Крамольников квартировал, а вечерами видные социал-демократы спорили с эсерами и либералами.

Лидер-большевик явно исполнял желание молодого приятеля. Обсуждение книг, брошюр, листовок в кругу единомышленников. Это все хорошо. Но послушать вживую полемику сторонников разных идеологических течений тоже крайне важно и интересно для того, кто хочет сам во всем разобраться. Костриков не только слушал. Выступал. Не часто и не всегда удачно. Сказывались и юношеский максимализм, и неопытность. Что ж, на чистяковских «болтологиях», как шутили участники вечеров, он учился, приобретал и оттачивал навыки ведения дискуссий²⁷.

А как же Томский технологический институт? Увы, никак! На какой-то из вечеринок у Чистяковых наш герой удивил всех своей категоричностью. Бер Левин, студент-технолог, член кружка Крамольникова, дискутируя с кем-то, заявил: «Вот мы с Сергеем будем инженерами, и это откроет нам дверь в сердце любого рабочего...»

Костриков товарища перебил: «Напрасно Бер говорит за нас обоих. Мы оба с ним читали «Что делать?»... Я вполне разделяю точку зрения Ленина, что лучшая, самая завидная из всех профессий – «это быть профессиональным революционером».

Нет, Сергей не просто наполнился энтузиазмом, читая Ильича. Он сделал осознанный выбор. Однажды на кухне Людмилы Сундстрем его спросили: кем ты станешь, наверно, инженером или профессором механики? Ответ прозвучал неожиданно: «Я буду тем, кто сейчас нужнее всего!»

Очевидно, что штудирование классиков марксизма в кружке Крамольникова внесло в позицию Кострикова желанную ясность. Общество нуждается в переустройстве, всеобъемлющем и революционном. Конечно, ему хотелось и до сих пор хочется выучиться на инженера. Однако сейчас, на исходе 1904 года, России больше «нужны» революционеры, а не инженеры. Значит, он будет тем, кто нужнее, – профессиональным революционером...

Любопытно, но в своей автобиографии Киров датировал это важное событие, признание себя профессиональным революционером, более поздним днем, 6 апреля 1905 года, днем освобождения из тюрьмы после первого ареста, случившегося 2 февраля. «Отсюда начинается настоящая революционная работа», – написал далее Сергей Миронович. А выражалась она в следующем: «Был в нелегальных кружках. Сам руководил маленькими кружками. Затем был введен в Томский комитет партии... заведывал нелегальной типографией. Состоял в группе большевиков»²⁸.

Обстоятельно, но не полно...

²⁷ Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1967. Вып. 4. С. 42, 43, 47, 48; Киров и время. Л., 1986. С. 29; Пролетарская революция. 1935. № 5. С. 74.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 10. Д. 18. Л. 2, 3; Пролетарская революция. 1935. № 5. С. 73–75; Товарищ Киров. М., 1935. С. 29.

5. Даешь всеобщую стачку в Сибири!

Для Кирова Томск стал очень важной вехой, и автобиография намекает на это. В ней он умолчал о двух событиях, которые, в принципе, никак не мог не отметить. Демонстрацию памяти жертв «Кровавого воскресенья» 18 января и разгром черносотенцами управления Сибирской железной дороги 20 октября 1905 года. В обоих случаях применялось оружие и пролилась кровь. И в январе, и в октябре, согласно историографии, прежде всего советской, Киров проявил себя на редкость героически, спасая товарищей от полицейских шашек и пуль или от «озверелой» ярости толпы обывателей. Тем не менее сам Сергей Миронович почему-то не счел нужным вспоминать о столь серьезных «приключениях» в его жизни, между прочим, вызвавших широкий отклик далеко за пределами Сибири. Попробуем разобраться в причинах кировского молчания о двух трагических происшествиях, потрясших Томск в 1905 году²⁹.

И начнем с того, что томские социал-демократические кружки создавались не только для изучения марксистской литературы и её обсуждения. На первом плане стояла подготовка всеобщей стачки на Сибирской железной дороге. Питомцам Крамольникова и Сергею Кострикову, как одному из них, предстояло убедить в необходимости данной меры огромный и быстро растущий коллектив железнодорожных депо и мастерских на всем протяжении от Челябинска до Иркутска. В 1901 году постоянный персонал Сибирской и Забайкальской железных дорог насчитывал сорок тысяч, в 1903-м – пятьдесят тысяч, в 1904 году – уже семьдесят четыре тысячи человек, из которых почти пятьдесят четыре тысячи трудились на Сибирской железной дороге³⁰.

На их пропаганду ЦК РСДРП и бросил лучшие силы. В 1901 году появился социал-демократический Сибирский союз, который летом 1902 года приступил к активной агитационной кампании. Прежде всего, это выпуск и распространение печатной продукции – прокламаций и листовок, во вторую очередь – организация «массовок», собраний рабочих за городом под видом гуляний и пикников, и отдельные беседы с группами рабочих. В крупнейших узловых центрах – Красноярске, Иркутске, а также Чите (станции Забайкальской железной дороги) – в 1903 году комитеты РСДРП полностью отвергли «экономизм», то есть борьбу исключительно за сносные условия труда рабочих без политических лозунгов (Ленин в «Что делать?» «экономизм» и подверг жесткой критике).

В Омске, Челябинске, Новониколаевске (Новосибирске) комитеты колебались. Томский комитет то же в 1903 году отбросил «экономизм», но агитация железнодорожников не была у него в приоритете. Томск – студенческий город. Сюда молодежь и азиатской России, и европейской приезжала учиться в университете и технологическом институте. И здесь в типографиях города образовалась очень крепкая социал-демократическая ячейка. Поэтому Томск стал кузницей кадров в области агитации и подпольного книгоиздания для всей сибирской магистрали. К тому же осенью 1904 года в Томск перебралось и бюро комитета Сибирского союза в лице В.А. Гutowского, А.Ф. Сухорукова, Н.Н. Баранского, В.М. Броннера и других, включая Г.И. Крамольникова, сбежавшего из нарымской ссылки.

Вот в такую среду попал юный Сергей Костриков по приезду в Томск. Неудивительно, что он увлекся по примеру новых друзей-печатников и студентов-технологов идеей преобразования России посредством всеобщей стачки сибирских железнодорожников и, если понадобится, народного вооруженного восстания. Это совсем не утопия, и Ленин не пребывал в иллюзиях,

²⁹ Подробнее о событиях 18 января и 20 октября 1905 года см.: *Шиловский М.В.* Томская демонстрация 18 января 1905 г. // ГЕО-СИБИРЬ. 2009. Т. 6. С. 296–306; *Шиловский М.В.* Томский погром 20–22 октября 1905 г. Хроника, комментарий, интерпретация. Томск, 2010.

³⁰ Из истории Сибири. Томск, 1974. Вып. 14. С. 37, 40; Сибирская жизнь. 1906. № 10 от 14 января.

уделяя столь много внимания Сибири и деятельности комитетов Сибирского союза. Ильич верно понял, чем обернутся дальневосточные проекты Николая II. Столкновением с Японией и войной. И все снабжение русской армии тогда будет зависеть от пропускной способности Сибирской железной дороги. А если она вдруг замрет... Не на день или на два, а надолго, на срок приличный, чтобы выдвинуть императору любой ультиматум.

В идеале стачка должна произойти после крупного военного поражения русских войск. Гарнизон Порт-Артура, русской военной базы в Китае, капитулировал 23 декабря 1904 года. А 9 января 1905 года в Петербурге царская гвардия расстреляла рабочую демонстрацию. В Томске сочли, что час пробил, и решили вывести своих людей 18 января 1905 года на главную улицу города – Почтамтскую. Причем под охраной боевой дружины, которую сформировал «чудесный томский большевик» Александр Михайлович Смирнов. Свидетель разгона и безжалостного избиения студентов на первой такой демонстрации, в феврале 1903 года, он настоял на создании при горкоме боевого комитета, боевой группы.

В «боевики» к Смирнову Костриков тоже не преминул записаться. Ему не терпелось поспеть везде, понюхать «революционного пороха» во всех смыслах: и в кружке, где листали нелегальные книжки и брошюры, спорили до хрипоты и сочиняли хлесткие прокламации, и у дружинников, собиравших и заряжавших пистолеты, колдовавших над компонентами самодельных бомб, оттачивавших практическое боевое взаимодействие. Смирнова юноша обаял так же быстро, как и Крамольникова, который, кстати, накануне событий отправился в Красноярск – поднимать на забастовку самую крупную и самую распропагандированную станцию сибирской линии. А всего Томск покинуло до двадцати эмиссаров «с запасом литературы... и с готовой типографской техникой»³¹.

Манифестацию 18-го числа предварил банкет 12-го. На нём тоже отличился Костриков. Благопристойное мероприятие эсеров и либералов, приуроченное ко дню студентов, учреждению в Татьянин день Московского университета, с речами и ужином, эсдеки превратили в революционный митинг. Молодежь рабочая и студенческая «с поддельными билетами» проникла в зал и сорвала «праздник просвещения». Именно наш герой возглавил группу ребят, которая проникла в здание через черный ход и отворила парадную дверь всем прочим непрошеным гостям. И «благородное» собрание, наэлектризованное крамольными призывами и речами, «единодушно» приняло резолюцию о проведении шествия в Томске и всеобщей стачки на Сибирской железной дороге под антивоенными лозунгами.

Костриков, опекаемый Смирновым, буквально рвался в бой: помогал сколачивать новые боевые «пятерки» и «десятки», доставал револьверы системы «бульдог» и «лефаше». А ещё настоял на своем праве идти рядом со знаменосцем, чтобы первым, если придется, подхватить флаг с надписью: «Долой самодержавие!»³²

По признанию Баранского, революционно настроенная томская молодежь зимой 1905 года «задыхалась от полнокровия, трезвая оценка положения» не производилась. Все жаждали действий, чтобы заявить о себе, чтобы заметили и отреагировали другие, в том числе власть. Власть демонстрацию заметила...

Сергей шел рядом с Иосифом Кононовым, державшим полотнище с революционным призывом. Естественно, полиция и казаки бросились на них, чтобы отобрать знамя. Вырвать красный стяг силой не получилось, и тогда применили оружие: сначала шашки, затем прозвучал выстрел, роковой для Коконова. Кострикову повезло: ему лишь рассекли шашкой пальто.

³¹ Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1967. Вып. 4. С. 46, 48–50; Пролетарская революция. 1935. № 5. С. 77; Баранский Н.Н. Социал-демократическое движение в Сибири в эпоху революции 1905 г. // Северная Азия. 1926. № 5–6. С. 84, 85.

³² Революционное движение 1905–1907 гг. в Томской губернии. Сб. документов. Томск, 1955. С. 20–22; Сибирские огни. 1935. № 6. С. 106; Товарищ Киров. М., 1935. С. 34, 35.

Разумеется, гибель товарища не отрезвила, а ожесточила молодого Кирова. Вечером на подкомитете он причинами постигшей всех неудачи назвал отсутствие «хорошего вооружения, дисциплины и достаточного числа демонстрантов». И тот факт, что главная цель – всеобщая стачка железнодорожников – нигде не задалась, в том числе и в Красноярске, Сергея совсем не смутил. Революция, новая прекрасная в будущем жизнь без жертв не победит, а значит, нужно вновь и вновь выводить людей на демонстрации, стачки, баррикады...

На сходке 2 февраля 1905 года в доме на Никитской улице, на квартире студента Кошкарёва, более полусотни её участников решали вопрос о «новой вооруженной демонстрации». Полиция помешала им и забрала с собой сорок социалистов. Часть успела уйти через разбитое окно в соседней «маленькой темной комнате».

В тюрьме Костриков «вел себя весьма дурно». Что скрывается за этой оценкой жандармского полковника Романова? Похоже, юношеская бравада, нарочитая, задиристая. Просьба о позволении курить табак (13 февраля). А оно зависело лично от губернатора. Пожар в камере от «случайно» упавшей керосиновой лампы (28 февраля). Счет тюремной администрации за пострадавшее в огне одеяло (11 марта). Вот так молодой узник дразнил «ненавистную» царскую власть. Впрочем, власть не разозлилась и спустя два месяца отпустила половину из сорока бунтарей, по её мнению, не самую важную и опасную. В их числе на свободу вышел и Сергей³³.

³³ Баранский Н.Н. В рядах Сибирского социал-демократического союза. Новониколаевск, 1923. С. 26; Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1960. Вып. 1. С. 45–51; 1905 год в Сибири. Новониколаевск, 1925. С. 135; Сибирские огни. 1935. № 6. С. 107; Красный архив. 1939. № 6. С. 130, 131; Товарищ Киров. М., 1935. С. 40.

Групповой портрет социал-демократов, арестованных 2 февраля 1905 г. [РГАСПИ]

6. За стачку и восстание

Очевидно, что первый тюремный опыт должного впечатления на нашего героя не произвел и на взгляды никак не повлиял. Даже напротив. Костриков ощущал себя героем, по крайней мере в кругу единомышленников, смотревших на него с куда большим почтением, чем до ареста. Впрочем, у Сергея имелся и другой мотив вести себя героически. Вскоре после перехода в кружок Крамольникова «повышенного типа» он заметил среди «гостей», приходивших на занятия или собрания, двух девушек. Обе учились на врачей и хорошо знали «Гришу». Года за два или за три до появления Кострикова в Томске они помогали социал-демократам Сибирского союза распространять литературу, прокламации и поддерживать связь со студентами университета и института. Одну звали Фрейда Суссер, другую – Надя Блюмберг³⁴. Кострикову понравилась вторая. Отчасти, чтобы обратить на себя её внимание, Сергей так активно, порой безрассудно спешил бороться со старым, «прогнившим» режимом...

И, разумеется, выйдя из тюрьмы, он принялся «за старое» – за агитацию рабочих в кружках и содействие работе подпольной типографии, созданной в конце 1904 года. Сергей ещё в Уржуме попробовал тиражировать листовки. На каникулах, приехав из Казани, в паре с Самарцевым соорудил собственный гектограф. В единственной городской аптеке раздобыл нужные препараты. Самарцев принес с кухни небольшой противень. В баньке «сварили в ковшу массу и вылили её в противень». Затем у ссыльных заимствовали номер «Искры», «помятый, вшестеро сложенный». Из него крупными, печатными буквами переписали статью «по крестьянскому вопросу», подчеркнутую красным карандашом. Листок размножили на спрятанном в баньке гектографе, а тираж рассовали по карманам и за пазуху. После полуночи пошли на Базарную площадь. То была ночь на субботу, главный торговый день для окрестных крестьян. Среди телег и спящих тут же мужиков юные конспираторы раскидали большую часть листовок, остаток – на Малмыжском тракте. Сергей все повторял: «Нужно все разбросать! Нужно разбросать все!» Пока не разбросали, домой не вернулись. А вернулись окольным путем, опасаясь попасть кому-нибудь на глаза, особенно полицейскому...³⁵

³⁴ Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1967. Вып. 4. С. 28; Дубровин В.Б. Повесть о пламенном публицисте. Л., 1969. С. 18.

³⁵ Костриковы А.М. и Е.М. Это было в Уржуме. Киров, 1962. С. 88–91; Комсомольская правда. 1934. № 283 от 8 декабря.

Сергей Костриков и Александр Самарцев, 1904 г. [РГАСПИ]

Так Сергей Костриков приобрел первый опыт подпольной печатной работы. Дело увлекательное, но рискованное. Оттого продолжить осваивать типографское дело смог лишь в Томске, когда попал в кружок «повышенного типа» из рабочих типографий. По словам Крамольникова, начал Сергей с небезобидных рейдов по городским печатным предприятиям. А их в Томске насчитывалось около десяти. «Озорник» систематически отсыпал оттуда шрифты для «друкарни» Сибирского союза. Почему вожди доверили это ему, а не самим печатникам, тому же Кононову? Сам он едва ли задумывался. Поручение важное, нужное. Надо выполнять. В конце концов именно его чуть ли не сразу назначили главным группы, «которая занималась печатанием нелегальной литературы на мимеографе и гектографе». И кому, как не руководителю сей группы, обеспечивать всем необходимым и печатный стан комитета! Кроме того,

об «экспроприациях» в городских типографиях не могла не услышать от товарищей Надежда Блюмберг... До роковой январской демонстрации «отдел» Кострикова успел тиснуть четыре прокламации.

Впрочем, то ли молодецкий задор, то ли холодность любимой не давали ему покоя, и вот однажды, все в том же 1904 году, Сергей уговорил одного сочувствующего социал-демократам семинариста проникнуть в кладовку Троицкого собора, где хранились «противокрамольные» брошюры епископа Томского Макария, и вложить в каждый экземпляр по листочку с антирелигиозным памфлетом. История наделала много шума. Даже городские усмехались: «Ну и коленце выкинули студенты!» А самую дерзкую акцию влюбленный заведующий партийным гектографом провел под новый, 1905 год: организовал публичную продажу официального бюллетеня о падении Порт-Артура. Комитет перепечатал правительственное сообщение... со своим послесловием³⁶.

На исходе весны 1905 года, в отсутствие «стариков» (Крамольникова, Баранского, Гутковского), бывший глава «мимеографической группы» принял на себя все заботы о нелегальной типографии Томского комитета. Первым важным событием стал Первомай, отмечавшийся тогда по старому стилю, 18 апреля. К празднику и «массовке» томские социал-демократы выпустили особую праздничную листовку, весьма созвучную воинственному настрою юного Кострикова. Единственным средством достижения «мира и истинной свободы» она провозглашала «восстание народа с оружием в руках». В 1905 году Первомай совпал с Пасхой, а потому одиннадцатитысячный тираж листовок подпольщики разбросали особенно много «близ церквей»³⁷.

Следующий «боевой» день – 5 июля 1905 года. Митинг памяти друга Иосифа Кононова. На могиле павшего героя установили памятную плиту. Участникам раздали специально изданную листовку. Разошлись под пение революционных песен. Тем временем в городе разворачивалась всеобщая забастовка рабочих (4—18 июля). Ей также требовалось сопровождение печатным словом.

Ключевой момент: забастовка была добровольно-принудительной. Далеко не все рабочие желали бастовать, почему активные принуждали пассивных бросать станки. В лучшем случае химически, как в Управлении Сибирской железной дороги 13 июля, распылив в помещениях какую-либо пахучую гадость. В худшем случае, физически, как торговцев магазинов и ремесленников столярных или слесарных мастерских 12 июля угрозой избиения и порчи имущества. Костриков в подобных «обструкциях» принял самое деятельное участие. Он с толпой «в числе 45 человек» 14 июля явился на спичечную фабрику купца Кухтерина для повторного «снятия» рабочих. Первое имело место накануне, после визита одиннадцати агитаторов, правда, длилось всего полдня. Утром 14-го фабрика вновь заработала. Второе возглавил сам «Серж», «душа организации», устроив целое шоу перед воротами фабрики с гитарой, балалайкой, хором, танцами. Безуспешно. Хозяин запер рабочих в бараках, и все, чего добилась агитбригада, – встречи с делегацией от коллектива, которая им объяснила, почему стачки не будут: потерять жилье и заработок никто не хочет...

В дни стачки комитет РСДРП проводил сходки, иногда по две за день. В принципе, ради них всеобщую стачку со «снятиями» и затевали. Шла-то она под экономическими лозунгами, для социал-демократов малоинтересными. Однако чем больше людей бастует, тем больше днем или вечером придет за город послушать революционных ораторов, призывающих к переустройству страны и общества и, прежде всего, к свержению самодержавия. Например, по данным полиции, 12 июля на вечерней «массовке» собралось «свыше 1000 человек». Кстати,

³⁶ Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1967. Вып. 4. С. 45, 46; Сибирские огни. 1935. № 6. С. 105.

³⁷ Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1970. Вып. 6. С. 49, 50; Революционное движение 1905–1907 гг. в Томской губернии. Томск, 1955. С. 38, 39.

отметила полиция и эффективность подпольной типографии Томского комитета, ежедневно издававшей «в большом количестве» прокламации о борьбе «с царским правительством и капиталистами»³⁸. «Снятия» ради «массовок» ещё аукнутся всем. А пока Томский комитет продолжал готовиться к всеобщей стачке железнодорожников и вооруженному восстанию.

В июне Костриков присутствовал в качестве гостя на конференции Сибирского союза, где резолюцию большевиков о вооруженном восстании поддержало четыре делегата, а восемнадцать отвергло. Для молодого «энтузиаста-трибуна» это было потрясением. Как и выступление одного из «стариков», В.А. Гутовского, вернувшегося в Томск с новостями из-за границы. Викентий Аницетович на примере демонстрации 18 января раскритиковал в пух и прах это «безнадежное дело», подчеркнув, что одними «бульдогами» и «лефаше» «нельзя совершить революцию». Большевики объявили Гутовского ренегатом-меньшевиком. Тем не менее в душе Сергея та дискуссия на конференции зерна сомнения заронила.

Впрочем, пока он – твердый сторонник выхода на баррикады, считающий услышанную речь «актом измены революционному делу», и с этих радикальных позиций выступает в Томском комитете, членом которого стал в июле 1905 года. Занимаемый им пост – руководителя подпольной типографии – просто обязывал соратников кооптировать его в горком³⁹.

Проживал Сергей тем летом «в обществе книгопечатников», в доме Кочетова на Болоте (район Томска), у матери Иосифа Кононова. Разделить с собой кров предложил новому приятелю – Михаилу Попову, недавно приехавшему из Красноярска. Познакомились они раньше, после возвращения Попова из ссылки в родной Туринск накануне нового, 1905 года. Правда, узанный жандармом, он едва избежал ареста на демонстрации 18 января, почему и исчез через месяц.

Михаил Попов – жених, затем законный супруг Фрейды Суссер, после замужества ставшей Ниной Ильиничной Поповой. Нетрудно догадаться, чем прежде всего вызвано сближение двух молодых людей. Оба питали нежные чувства к двум подругам, и благодаря Попову Костриков имел возможность чаще видеть Надежду Блюмберг. Об их отношениях в 1905 году мы почти ничего не знаем. Крамольников в воспоминаниях аккуратно назвал её «большим другом Кирова». Но и Киров ей, и она Кирову была больше, чем друг. Однако если у Попова с Суссер все сложилось, то у Кострикова с Блюмберг нет. Надежда Германовна примерно через год осознанно или в сердцах совершит явно опрометчивый шаг, который не лучшим образом отразится на судьбе нескольких человек, в том числе и нашего героя⁴⁰.

Ну а пока на дворе 1905 год, и главная цель членов Томского комитета РСДРП – всеобщая стачка железнодорожников Сибири. Во второй половине лета она вот-вот должна осуществиться. 27 июля 1905 года замерли депо и мастерские Читы, 9 августа – Иркутска, 11 августа – Красноярска. Костриков с товарищами немедленно обратился к рабочим станции Тайга с просьбой поддержать движение⁴¹. Тайга как раз расположена на Транссибе, на перегоне Ново-Николаевск – Красноярск. Ясно, что коллективу станции следовало продолжить почин, чтобы волна забастовки пошла дальше, на Ново-Николаевск, Омск, Курган, Челябинск, и свершилось то, что не получилось в январе, – всеобщая стачка Сибирской железной дороги.

На станцию Тайга отправились лучшие кадры Томского комитета – М.А. Попов, И.В. Писарев и С.М. Костриков. В течение трех месяцев – августа, сентября и октября – они были

³⁸ Революционное движение 1905–1907 гг. в Томской губернии. Томск, 1955. С. 45–52; Большевики Западной Сибири в период первой русской революции 1905–1907 гг. Новосибирск, 1954. С. 117–121; Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1970. Вып. 6. С. 51, 52.

³⁹ Сибирские огни. 1935. № 6. С. 108–110.

⁴⁰ РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 14. Д. 61. Л. 2, 3; Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1967. Вып. 4. С. 28; 1974. Вып. 7. С. 18; Сибирские огни. 1935. № 6. С. 109, 110.

⁴¹ 1905 год. Материалы и документы. Стаечное движение. М., 1925. С. 481, 486–488, 491; Большевики Западной Сибири в период первой русской революции 1905–1907 гг. Новосибирск, 1954. С. 154–156.

там частыми гостями. Слесарь депо и помощник машиниста П.А. Носов оставил любопытные воспоминания о трех «студентах»: двоих «в форме технологов» и одном «просто одетом». «Просто одетого» в поношенную кожаную тужурку с шарфом, в сапогах и «шапке барашковой пирожком» звали Сергеем. Его железнодорожники «сразу полюбили, потому что он говорил на простом языке и доходчиво». К нему привязались и слушались лишь его, почему он отлучался в Тайгу нередко в одиночку, без напарников, привозя «марксистскую литературу, листовки, газеты». Прятал Сергей Костриков (рабочие быстро выяснили фамилию «любимца») все «на крыше депо под стропилами». Спрятал так, что обнаружили эту «библиотеку» уже в 1920 году, во время ремонта депо.

По свидетельству Попова, именно в Тайге Киров дебютировал как оратор «перед открытым большим собранием». В ремонтном цеху, на виду сотен рабочих, стоя на «передней площадке паровоза», Костриков пламенно агитировал примкнуть к всеобщей стачке и «образовать боевую дружину». И в итоге завоевал полное доверие. Хотя выступал перед рабочими всего лишь парнишка девятнадцати лет, ребята из мастерских и паровозных бригад прониклись к нему такой симпатией, что с удовольствием приглашали к себе на квартиры переночевать. Костриков рассказывал им о том, что происходит в России и на Дальнем Востоке, о стачках, как недавних, так и прошлых времен, к примеру, о морозовской 1885 года, «разоблачал меньшевистскую платформу».

Особенно зачастил Костриков к тайгинцам в октябре 1905 года. Не убеждать, а помогать с присоединением станции к всероссийской октябрьской стачке, которая до Томска докатилась 13-го числа. Рабочие опасались, что их заменят штрейкбрехерами со станции Боготол. Сергей тут же поехал туда, поговорил с местными путейцами. Они согласились не откликаться на заманчивые посулы железнодорожной администрации...

Очередной митинг в депо станции Томск 19 октября отправил в Тайгу целую делегацию, дабы «восстановить связь с главной линией и осведомиться о положении дел там». Естественно, Сергей сопровождал её как самый авторитетный эсдек среди тайгинских железнодорожников. На том же маневровом (паровоз и два вагона) группа вернулась в Томск днем или под вечер 20 октября. Причем тот, кто сообразил сойти в Межениновке вместе с Костриковым, избежал встречи с полицией и ареста на станции Томск. А от платформы Межениновка до Новотроицкой площади километра четыре-пять пешком. П.А. Носов, помощник машиниста на том маневровом, вспоминал: «С этим же поездом прибыл с нами Сережа... В этот [день] была совершена гнусная провокация, которой я был лично свидетелем... Эти подлецы организовали поджог здания управления Сибирской дороги... Лично я был очевидцем этой кровавой картины, и никто не вышел живым из этого здания...»⁴²

⁴² РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 19. Д. 18. Л. 1–4; Сибирские огни. 1935. № 6. С. 111, 112; Томские железнодорожники на путях к Советам. Томск, 1928. С. 33, 34; Товарищ Киров. М., 1935. С. 48, 49; Матвеев М.И. Студенты в революционном движении. Томск, 1966. С. 167.

7. Горький урок, пошедший впрок

Погоня революционеров за массовостью обернулась страшной трагедией. Томск – не промышленный центр, а скорее ремесленный и, конечно, торговый. Социал-демократы помимо студентов имели всего две реальные опоры – железнодорожников двух станций в пределах города (Межениновка, позднее переименованная в Томск-I, и Томск, ставшая Томск-II) и печатников семи типографий. Прочие заводи и мастерские (лесопильные, столярные, слесарные или та же спичечная фабрика Евграфа Кухтерина) в силу малочисленности коллективов и практически полной зависимости наемных рабочих от хозяина сознательными сторонниками РСДРП быть никак не могли. Что уж говорить о мелких мастерских, если за революционерами не шли даже томские телефонисты и электрики...

Отсюда и «увлечение» Кострикова с товарищами «снятиями». В июле метод принуждения к «солидарности» вроде бы себя оправдал. Власти забастовку заметили, пойдя на ряд уступок. Естественно, в октябре члены Томского комитета воспользовались прежним опытом с той разницей, что прежде по улицам города ходили, «закрывая» магазины и ремесленные цеха, рабочие типографий, а теперь за дело принялись железнодорожники при содействии гимназистов и студентов. Однако летом все протекало относительно мирно и к тому же быстро закончилось. А в октябре ситуация с каждым днем лишь накалялась, парализуя и органы управления, и привычную жизнь города.

«Сержа», как именовали нашего героя соратники, подобное развитие событий наверняка радовало. Вот он, момент истины! Вот сейчас, наконец, народ поднимется, возьмется за оружие и сметет царский режим! Увы, чаша терпения томского обывателя действительно переполнилась, но виновника всех бед он увидел не в царских сатрапах и вероломной буржуазии, а в тех, кто в течение целой недели силком тянул его в революцию: социалистах и примкнувших к ним студентах с железнодорожниками.

Мещанский Томск восстал, вышел на свою демонстрацию с хоругвями и портретами царя 20 октября. На Новособорной площади у Троицкого собора толпа атаковала отряд из полусотни дружинников-социалистов, посланных думской управой охранять митинг в городском театре купца Королева. Дело в том, что театральные сцена и зал за неделю превратились в томский Гайд-парк, место проведения ежедневных митингов. А городская полиция накануне фактически самоустранилась от исполнения обязанностей, и городской думе пришлось самой наскоро сколотить что-то наподобие милиции. В неё записывались студенты, техническая интеллигенция, делегаты от эсеров и социал-демократов. Большинство в той же форменной одежде, в какой на днях агитаторы заставляли простых смертных бросать работу ради победы революции...

На них-то и напали озлобленные обыватели. Милиционеры ответили выстрелами из револьверов, после чего укрылись в соседнем с театром здании, где обосновалось начальство Сибирской железной дороги и где в те часы находилось несколько сот сотрудников, ожидавших выдачи жалованья. Толпа, состоявшая из вчерашних бастующих поневоле приказчиков, портных, шляпников, плотников, грузчиков, сторожей, половых и кустарей, поспешила окружить трехэтажный особняк и после недолгой осады подожгла. Всех, кто пытался покинуть горящий дом, избивали, а кого-то убивали сразу. Из ловушки мало кому повезло вырваться целым и невредимым. По легенде, юный Костриков вывел из охваченного пламенем управления «большую группу товарищей»...

Всего той ночью погибло около семидесяти человек. В здании ЖДУ сгорело десять – пятнадцать, остальных растерзала обезумевшая «чернь». Она видела перед собою не убежище «милиционеров», а «осиное гнездо» заговорщиков. Ведь с чинов канцелярии службы тяги Сибирской дороги в три часа дня 13 октября и началась всероссийская стачка в Томске. Так

что сотрудники казались если не революционерами, то их пособниками, и убивали всех подряд безжалостно и жестоко...⁴³

Кострикова, по счастью, среди дружинников не было. Он еще не вернулся со станции Тайга и потому избежал то ли гибели, то ли «подвига». Появился в Томске Сергей вечером 20 октября и вместе с Носовым мог застать только страшный финал расправы – два пылающих здания на Новособорной площади в окружении озверевшей толпы. Правда, по свидетельству М.А. Попова, Костриков «с линии... вернулся утром 20 октября». «Утро» указано, чтобы оправдать версию, что наш герой выбрался «с горстью вооруженных дружинников, пробившись через кольцо осаждавших». А оно плотно замкнулось часам к трем дня.

Кроме Попова, об аналогичном «прорыве» поведали томские большевики-подпольщики М.К. Ветошкин, Г.Д. Потепин и Г.И. Шпилев. Первый – в заметке для газеты «Правда» в номере от 4 декабря 1934 года, второй и третий – в воспоминаниях. Очевидец событий – лишь Шпилев. Ветошкин после короткого пребывания в мае – июне 1905 года в Томске перебрался в Читу. Потепин 20 октября 1905 года шел в театр Королева на митинг с пачкой листовок, но не дошел, вовремя предупрежденный неким «членом партийного комитета» о том, что творится на Новособорной площади. Попов также опирался не на личные впечатления (20 октября он провел «в Иркутске, на съезде»), а на «описания», которые «неоднократно давались в печати».

Остаются откровения Шпилева. Они принадлежат участнику «прорыва». Однако Костриков включен в канву рассказа явно искусственно. Он появляется всего два раза, чтобы, во-первых, убедить «дружинников не сдавать оружия», а женщин не покидать здание, во-вторых, руководить выводом гражданских из горящего особняка через черный ход. Из слов мемуариста вытекает: студент А.А. Нордвик – формальный лидер дружины, а настоящий – Костриков. Проблема в том, что до 1934 года никто так не считал. Наоборот, современники единодушны: командовал милиционерами Нордвик. Даже лидер томских большевиков В.М. Броннер признавал в 1925 году «начальником отряда» не Кострикова, а Нордвика. Да и сам Шпилев в письме от 30 октября 1905 года, описав все примерно так же, как и в 1935 году, Кострикова не упомянул ни разу, а «нашим командиром», «бедным страдальцем», «слишком» «великодушным» «для этих разъяренных людей», называл Нордвика.

Действительно, не Киров, а Нордвик руководил в шесть часов вечера выводом прибывшей к дружинникам группы людей, спустя десять минут после снятия у черного хода воинского караула (все, чем могло помочь осажденным не контролировавшее подчиненных военное командование). Отгоняя «черносотенцев» выстрелами, милиционеры на короткое время расчистили путь для гражданских. Затем ринулись в отчаянную атаку сами. В 1935 году Шпилев объявил, что выбежал вместе с Костриковым. В 1905 году он написал: «После всех выходил я с Чистяковым». Через погромщиков и поддерживавших их огнем казаков и солдат пробились не все. Шпилеву и Чистякову повезло, а Нордвик погиб... Кстати, Алексей Ведерников, который у Шпилева в редакции 1935 года выступал в роли помощника Кострикова, спасся совсем не героически: притворился громилой, стащившим из управления «самовар и кой-какое тряпье». Приняв за своего, толпа его не тронула...

Судя по всему, все четыре мемуариста зачислили Кострикова в дружину «городской охраны» под нажимом сверху, из ЦК партии. В советском биографическом каноне Кирова явно не хватало такого подвига, почему сибирякам и пришлось покривить душой⁴⁴.

Как бы Костриков ни узнал о трагедии, она очень сильно подействовала на него. Народ, простой народ, о свободе которого так ратовал он с товарищами, с яростью набросился на своих

⁴³ Революционное движение 1905–1907 гг. в Томской губернии. Томск, 1955. С. 50–52, 64, 65.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 14. Д. 61. Л. 5; Сибирские огни. 1935. № 6. С. 110, 111; Правда. 1934. № 333 от 4 декабря; Большевики Западной Сибири в период первой русской революции 1905–1907 гг. Новосибирск, 1954. С. 222–224; Товарищ Киров. М., 1935. С. 51–60; Пролетарская революция. 1925. № 6. С. 111–113; Революция 1905–1907 годов и общественное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Омск, 1995. С. 88–93.

освободителей. Тут поневоле вспоминалось предупреждение «ренегата» Гутовского, услышанное им на июньской конференции. «Безнадежное дело»! И вправду, безнадежное. Что-то «освободитель» Костриков с товарищами сделал не так, в чем-то ошибся. Но, разумеется, в листовке, которую типография «Сержа» напечатала от имени Томского комитета РСДРП с несколько длинным названием («Конституция и гнусные преступления царских башибузуков»), ни слова раскаяния, ни намек на собственный промах. По версии убежденного революционера, во всем виновата власть – томский губернатор В.Н. Азанчевский-Азанчеев, желавший «расправиться с «крамольниками», «сжечь их живыми». Губернатор «мог разогнать толпу негодяев, поджигавших здание... мог увести казаков, стрелявших в осажденных», но ничего не предпринял.

Сгоревшее здание управления. [Из открытых источников]

Да нет, пытался, хотя и без должного рвения. Да и кто стал бы его слушать, когда толпа кричала: «Мы голодны, а они бунтовать, забастовки делать» – и продолжала избивать и убивать студентов и железнодорожников. При явном сочувствии солдат 4-го сибирского запасного батальона и казаков 1-й сотни Красноярского полка, выведенных к Троицкому собору на Новособорную площадь. Как докладывал 16 ноября в Петербург Азанчевский, «к самому... зданию в толпе замечалось какое-то ужасное озлобление и ненависть, слышны были крики о тяжелых последствиях забастовок, и о том, что в горящем здании не оставят камня на камне». Но, главное, «настроение нижних воинских чинов... было всецело на стороне толпы... офицеры не имели никакой возможности принудить их действовать решительно для умирения народного восстания».

Увы, решающей стала именно позиция рядовых военных, в подавляющем большинстве выходцев из крестьян той же Томской губернии. При откровенном попустительстве, а то и содействии солдат и казаков, игнорировавших распоряжения своих офицеров, «озверевший» обыватель сотворил свое «возмездие»⁴⁵. Кстати, в Красноярске 21 октября едва не разыгралась аналогичная трагедия. Осажденных в Народном доме забастовщиков спасли от поджога и расправы солдаты 2-го железнодорожного батальона, набранного из рабочих-путейцев и переброшенного в Красноярск из Барановичей в августе 1905 года⁴⁶. В Томске подобного батальона, к сожалению, не оказалось...

Непросто давалось Кирову осознание ошибки, которая едва не подвела его самого под дубины и палки «несознательных» томичей. Стоило ли ему с единомышленниками так упор-

⁴⁵ Революционное движение 1905–1907 гг. в Томской губернии. Томск, 1955. С. 68–73; Дело о погроме в Томске в 1905 г. Томск, 1909. С. 8; *Рассохин Г.С.* События в Томске в октябре 1905 г. Томск, 1917. С. 17, 27.

⁴⁶ *Шумяцкий Б.З.* Сибирь на путях к Октябрю. Иркутск, 1989. С. 59–64, 72, 73.

ствовать с организацией всеобщей стачки? Ведь закупорка Транссиба поколебать государственные устои могла зимой – весной 1905 года. Теперь, спустя полгода, «поезд ушел». Война с Японией завершалась, и сибирская магистраль утратила первостепенное значение. Бесперебойного снабжения войск более не требовалось, а значит, всеобщая стачка Сибирской дороги смертельный удар самодержавию не нанесла бы. И уже тем более бессмысленно было призывать к забастовке томских приказчиков, официантов, цирюльников, швейцаров, булочников, рестораторов и иных им подобных. Даже участие слесарей и токарей не железнодорожных мастерских, в принципе, мало на что влияло. Так что со «снятиями» Томский комитет РСДРП перемудрил. Добытая таким способом «всеобщность» оказалась весьма опасной для революционеров и совсем ненужной для революции...

Конечно, Костриков с товарищами мог ощущать причастность к общей политической победе. Железная дорога на протяжении всей сибирской и забайкальской линий замерла. То, чего добивались без малого год, вдруг получилось в кратчайший срок, всего за полторы недели. Сибиряки и их коллеги с других окраин империи на волне общего воодушевления, несомненно, помогли достичь цели, которая объединяла тогда влиятельную часть крупного капитала и социал-демократов. Николай II 17 октября подписал знаменитый манифест о свободах. Правда, решающую роль в принуждении самодержца сыграл московский транспортный узел, а отнюдь не сибирский.

8. Что дальше?

В какой степени Сергей Костриков осознавал политическую ситуацию в целом и уместность революционного «инструмента» в тех или иных конкретных обстоятельствах? Похоже, что такое осознание пришло к нему далеко не сразу, а с обретенным с годами опытом. А когда пришло – то заставило сильно изменить отношение к собственному радикализму томского периода. Свидетельство тому – его автобиография, где он назвал имена «товарищей», с которыми связался «по приезду в Томск» в сентябре 1904 года. Это не Иосиф Кононов и не Григорий Крамольников. Киров в скобках написал: с «М. Поповым, Сухоруковым и др.»⁴⁷. Ясно, что память его не подвела. Сергей Миронович умышленно объявил не тех, с кем в действительности «связался» и кто увлек юношу на путь крайнего радикализма.

Кто такой Михаил Александрович Попов, мы уже знаем. К известному добавим, что он, немногим старше Кирова (1883–1958), один из основателей в 1902 году томской группы социал-демократов, «искровцев», вел кружки политического образования среди железнодорожников. Познакомился с молодым подопечным Гриши Пригорного (Крамольникова) по возвращении из Туринска в декабре 1904 года. А близко сошелся летом 1905-го. Они вместе изучали материалы II съезда РСДРП, чтобы понять причины раскола на большевиков и меньшевиков, сообща организовывали «массовки» и обсуждали текущий момент на заседаниях фракции большевиков⁴⁸.

Похоже, Попов, помимо прочего, произвел на Кострикова весьма сильное впечатление как человек, как партийный организатор и агитатор. Будущий народный трибун многое почерпнул и перенял у него. Но если Попов был большевиком, то второе упомянутое в автобиографии лицо – Антон Фомич Сухоруков – являлся в Томском комитете РСДРП «определенным сторонником Мартова». То есть меньшевиком, причем «заядлым». А на момент описания Кировым своего прошлого считался «враждебно настроенным против большевиков обывателем». Именно под началом или опекой Фомича, члена Сибирского союза (союзного комитета), наш герой и вел подпольную работу в Томске с января по октябрь 1905 года. Он хорошо изучил «шефа» и знал, что тот ратует за сотрудничество с либералами, за участие в выборах в Государственную думу и, главное, не одобряет скоропалительных, несвоевременных «вооруженных восстаний».

Именно по настоянию Сухорукова утром 20 октября 1905 года Союзный комитет, невзирая на возражения большевика В.М. Броннера, постановил митинг в театре Королева отменить, а забастовку в городе прекратить. Не послушайся Солдата комитет, на Новособорной площади могла случиться страшная бойня с куда большим числом жертв. Солдат – партийная кличка Сухорукова, талантливого агитатора. Весной 1906 года он сумел распропагандировать инженерные части иркутского гарнизона до такой степени, что власти окрестили брожение среди них «восстанием понтонеров», попытались зачинщика волнений арестовать, однако тот успел выехать из города⁴⁹.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 80. Оп. 10. Д. 18. Л. 2.

⁴⁸ Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1960. Вып. 1. С. 31; 1974. Вып. 7. С. 18; Сибирские огни. 1935. № 6. С. 105, 109–111.

⁴⁹ Революционное движение в Сибири и на Дальнем Востоке. Томск, 1967. Вып. 4. С. 42; *Шумяцкий Б.З.* Сибирь на путях к Октябрю. Иркутск, 1989. С. 105, 114, 115, 147; Пролетарская революция. 1925. № 6. С. 109.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.